

У. Г е г у з и н



В Л Ю Б Л Е Н Н Ы Й  
В П Е С Н Ю

РОСТОВСКОЕ  
КНИЖНОЕ  
ИЗДАТЕЛЬСТВО  
1974

---

ИОСИФ ГЕГУЗИН



ВЛЮБЛЕННЫЙ  
В ПЕСНЮ

ОЧЕРК



---

О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ  
ВЫДАЮЩЕГОСЯ СОБИРАТЕЛЯ  
И ИССЛЕДОВАТЕЛЯ  
ДОНСКИХ КАЗАЧЬИХ  
НАРОДНЫХ ПЕСЕН

**А. М. ЛИСТОПАДОВА**

**Гегузин И. М.**

**Г 27** Влюбленный в песню. Очерк. Ростов, Кн. изд-во, 1974.

168 с.

Автор книги, И. М. Гегузин, знакомит читателя с основными фактами жизни и деятельности выдающегося собирателя и исследователя донских казачьих народных песен Александра Михайловича Листопадова.

В очерке описаны неустанные поиски и плодотворные результаты более чем полувекковой напряженной работы этого талантливой музыканта и крупного ученого-новатора, неутомимого пропагандиста русского многоголосного пения, ставшего крупнейшим знатоком народной поэзии Дона, внесшего неоценимый вклад в сокровищницу советской культуры.

Г  $\frac{0732-046}{M 156 (03)-74}$  59—74

8 РФ

## К ЧИТАТЕЛЮ

Когда говорят о большом или великом произведении искусства, музыкального или литературного, обязательно отмечают тесную связь этого произведения с народным творчеством.

Не будем перечислять классиков, которые много раз высказывали эту мысль. Эта же мысль не так уж давно была высказана А. И. Хачатуряном в такой форме: вне связи с народным творчеством не может быть великого музыкального и литературного искусства. Эту же истину он, А. Хачатурян, обосновал в своих удивительно глубоких и удивительно мелодичных произведениях. И мы, слушатели его произведений, понимаем, что именно этими свойствами они нашли кратчайший путь к нашему уму и сердцу.

В современной советской литературе нет другого произведения, которое по силе связи его с народным творчеством могло бы сравниться с «Тихим Доном» М. Шолохова. И в самом деле, в своем романе он с какой-то чисто богатырской силой и отвагой черпал из сокровищницы чудесных донских песен и разбрасывал их по страницам своего романа, и они начинали звучать в нем с какой-то новой, неслыханной силой. Прислушиваясь к песням, звучащим в романе, где они опосредствованы живыми образами, волнуешься высоким челове-

ческим волнением!.. И как же не вспомнить при этом о том человеке, кто намного раньше накопил эти песни и сделал их нашим наследством?!. Этим человеком был Александр Михайлович Листопадов — композитор-фольклорист, собиратель, исследователь и классификатор донской песни. Уроженец Дона, он был связан чуть ли не с самого раннего детства с песенной культурой станиц и хуторов. Он великолепно знал среду, быт людей, которые хранили в себе и пели эти песни. В Листопадове жили вместе и талант музыканта и талант этнографа и служили одной благородной цели — собрать самые лучшие песни и в музыкальном, и в поэтическом, и в историко-познавательном смысле.

Пятьдесят лет жизни Листопадов отдал своему любимому делу. Не буду говорить о том, что и как он сделал за эти годы: разговору об этом посвящена предлагаемая читателю книга И. М. Гегузина, которую он назвал «Влюбленный в песню». Книга написана с большим уважением к тому большому, что сделал и оставил нам в наследство Листопадов, и с неменьшим уважением к его человеческому облику — труженика, достойного преклонения за усердие и целеустремленность, с какой он искал песенной истины, так нужной и для науки и для искусства.

И. М. Гегузин с настойчивостью, заслуживающей похвалы, находил документальные источники, проливающие свет на те трудности, которые в дореволюционное время Листопадову приходилось преодолевать на каждом шагу своей музыкально-этнографической деятельности. Унизительной была затяжная переписка с областным статистическим управлением то по согласованию задач большой и первой фольклорной командировки, то многократные просьбы Листопадова выслать деньги на рас-

ходы по командировке... Высылка денег задерживалась чиновными волокитчиками. Листопадов и его товарищ по фольклорной командировке оказывались на грани голодного существования.

И. М. Гегузин приводит страницы из воспоминаний С. Я. Арефина, литератора и фольклориста, который был командирован вместе с Листопадовым по станицам и хуторам для записи устного народного творчества. О людях, с которыми Арефину пришлось встречаться, он пишет с большой художественной силой. Казаки и казачки того далекого времени в его воспоминаниях неповторимо своеобразны, стоят, как живые, перед глазами читателя, и каждое скупое их слово достойно названия «народного» и за каждым таким словом — точное раскрытие психологии людей, о которых идет речь. Приведенные И. Гегузиным отрывки из воспоминаний Арефина воскрешают донскую старину ярко и талантливо.

И. Гегузин в своей книге уделил большое внимание содержанию листопадовского пятитомника. Вел он свой рассказ о песнях в той последовательности, в какой их расположил сам Листопадов.

Написав эту книгу, И. Гегузин сделал хорошее и очень нужное дело. Своей книгой он привлек очередной раз внимание к бесценному наследству Листопадова и напомнил прежде всего музыкантам и писателям, что перед ними стояла и стоит задача глубокого использования фольклорного богатства Дона.

М. Никулин



## ВВЕДЕНИЕ

Плавно течет казачья река Дон... Тихий Дон...  
Дон Иваныч...

Шелестят под ветром вековые вербы.

Бестолково гомонят птицы в утреннем лесу.

Сверкают перламутром в тихой заводи водяные лилии.

Переливается разнотравьем степная ширь донская, освещенная ярким солнцем. А небо — синее-синее. Проплыло облачко. И снова синева заполонила весь небосвод. А под ним расстилается пышный ковер, расцвеченный всеми цветами радуги. Чуть колышутся красные и желтые тюльпаны. Горят кумачом маки. А вот и васильки, и ромашки. Залюбуешься, не оторвешься от такой красоты.

От края до края, насколько хватает глаз, волнуется степь ковыльная. Парит в вышине орел. Вот и могильный курган, затерявшийся в этом безбрежном серебристом море. И еще курган. Много их разбросано временем на родной, немало повидавшей на своем веку донской земле. И скифская каменная баба тоже давно уже вписалась в степной пейзаж.

А величавая река все катит свои воды. Тянут на зорьке сети рыбаки. Проплывают баржи, до краев груженные сочными арбузами, духовитыми медвяными дынями. Привольно раскинулись по берегам реки станицы и хутора, утопающие в са-

дах и виноградниках. Вот они, дары земли донской.

И несется над донскими просторами песня «Ой да ты, кормилец наш, славный тихий Дон». Широкая. Раздольная. Как эти степи и небо. Берущая за душу песня.

Песня... Народная казачья песня. Она пленяет своей эмоциональностью, задушевностью, чарующей напевностью. В ней — и ярко выраженные боевые традиции донского казачества, и мотивы самоотверженной борьбы за свободу, и поэзия неповторимой донской природы.

Песня... Она сопутствует человеку всю жизнь, с самого раннего детства до глубокой старости. В ней все — и радость, и печаль, и мечты. Она с нами во всех делах наших, незаменимое украшение жизни, делающее ее ярче, богаче, наполненней.

Перелистайте «Тихий Дон», и вы увидите, как ярко, красочно, поэтично описывает Шолохов вековую дружбу казака с песней. Он не расставался с нею никогда — ни в походе, ни в бою, ни в мирные дни. Вот отрывок из романа:

«Вдруг впереди, над притихшей степью, как птица, взлетел мужественный грубоватый голос запевалы:

Ой, как на речке было, братцы, на Камышинке,  
На славных степях на Саратовских...

И многие сотни голосов мощно подняли старинную казачью песню о Ермаке, и выше всех всплеснулся изумительной силы и красоты тенор подголоска. Покрывая стихающие басы, еще трепетал где-то в темноте звенящий, хватающий за сердце тенор... Песенники... уехали далеко... а из темноты, издалека плыла, ширилась просторная, как Дон в половодье, песня... Уж и песенников не стало

слышно, а подголосок звенел, падал и снова взлетал».

Шолохов охотно, с видимым наслаждением приводит в своей эпопее немало песен. Сколько их, невесть кем сложенных, поются издревле, передаются из поколения в поколение. Богат песнями донской край. Память народная крепка. Но многие жемчужины устного поэтического творчества живут в народе и сегодня потому, что в свое время были записаны. Взял на себя этот нелегкий, но благородный труд человек, влюбленный в песню. Этим человеком был казак станицы Краснодонской Александр Михайлович Листопадов.

Более полувека он отдал собиранию донских народных казачьих песен. Нелегко был его путь. Но страстная любовь к родному народу, осознание важности и значительности проводимой работы помогали ему преодолевать трудности, делать все новые и новые записи, проникать в сокровищницу поэтического творчества донских казаков.

Полюбил народную казачью песню Александр Михайлович Листопадов с самого раннего детства. Ей он посвятил всю свою жизнь. Блистательно выполнить свой «план жизни» ему помогло то немаловажное обстоятельство, что в нем счастливо сочетались качества этнографа, фольклориста, музыканта, певца и музыковеда. Напряженная, неутомимая работа, которой он отдавался со всей страстью энтузиаста-подвижника, работа, которая не прекращалась ни на один день, оказалась глубоко плодотворной. Заняв почетное место в плеяде русских собирателей, хранителей и исследователей памятников народно-поэтического творчества, он по праву считается крупнейшим знатоком и деятелем русской музыкальной культуры, классиком советской фольклористики.

## ГЛАВА ПЕРВАЯ

Александр Михайлович Листопадов родился 6(18) сентября 1873 года в семье народного учителя казачьей станицы Екатерининской, на Донце, ныне Краснодонецкой. Семья была на редкость музыкальной, не только с большой любовью, но с каким-то особым благоговением относившаяся к народной песне, от своих предков воспринявшая своеобразную певческую культуру. Хорошая слава шла по станице об этой удивительной семье, в которой пели все — и мужчины, и женщины, и старики, и молодые. Причем пели часто, много, без усталости, пели очень проникновенно, искренне, втайне наслаждаясь разыгравшимся вдохновением. Пели народные казачьи песни, к которым влекло с раннего детства, но в то же время исполняли и произведения русской классической музыки — здесь распевались хоры и арии из знаменитых опер, а «Ивана Сусанина» Глинки исполняли почти полностью.

Александр Михайлович рассказывал мне, что его дед и дядя, казаки станицы Ермаковской, были великолепными певцами и не только любителями, но и большими знатоками казачьих песен. Их дарование снискало им почет и уважение у станичников. И когда они в часы досуга игра-

ли песни, сходились и млад и стар, и радость слушателей была неумемной. Я видел, как загорелись его глаза, когда Александр Михайлович с теплотой и нежностью вспоминал о своей матери, удивительной мастерице и певунье, вместе с детьми исполнявшей казачьи песни. В своем дневнике он записал 3 января 1945 года: «С каким она чувством своим маленьким голоском, насколько помнится мне, певала эти песни («Белого заюшку» и др.). Вспоминается и... «Как шел-то казаченок», которой вместе с мамой провожали мы, братья, кого-то из нас на станцию».

Вот в таком окружении, среди замечательных песенников, рос и воспитывался Александр Михайлович. Не мудрено, что и он сызмальства был очарован казачьими мелодиями, полюбил народную песню и пронес эту любовь через всю свою жизнь. Обладая недюжинными музыкальными способностями, он с ранних лет проявил себя как одаренный музыкант, одинаково хорошо игравший на балалайке, гитаре, скрипке, фортепьяно. День, когда все семейство затевали играть песни, был для него праздником. К счастью, таких праздников выпало на его долю много. Вместе с братьями и сестрами он пел родные казачьи песни. Он очень любил, когда все они, весело и дружно, показывали взрослым, что и они «не лыком шиты» и «знают толк в пении». Участвовал он также, наряду с другими, и в домашних концертах, когда исполнялись произведения М. И. Глинки, А. П. Бородина, П. И. Чайковского и других выдающихся композиторов.

Надо сказать, что народные песни уже тогда, в отроческие годы, наводили его на размышления о том, кто же придумывает слова, кто сочиняет напевы, что важнее — текст или мелодия

и почему каждая песня поется на свой лад. И стал он замечать, что песня приносит ему не только радость, но и вызывает какое-то особенное внутреннее состояние, приятное волнение. А близки и дороги были ему народные песни тем, что в них находила правдивое отражение жизнь казачества, начиная со стародавних времен и кончая нынешним днем.

Когда А. М. Листопадов поступил в новочеркасскую духовную семинарию, он стал певцом и дирижером ученического хора. Семинарская наука мало привлекала его. Он уже тогда был весь во власти песенной стихии. И свой досуг посвящал организации концертов, в которых звучали, наряду с лучшими образцами вокальной классики, и русские народные песни. Составляя программы выступлений ученического хора, он обязательно включал в них родные ему песни донских казаков, которые исполнялись с особой задушевностью.

Как-то попала ему в руки газета, в которой была напечатана песня, знакомая ему с детства. Тогда он стал специально рыться в старых подшивках в поисках опубликованных песен. И радости его не было конца, когда он находил в новочеркасских газетах «Донские войсковые ведомости», «Донские областные ведомости», «Донские епархиальные ведомости», «Донской вестник», «Казачий вестник», «Донская газета» напечатанные казачьи песни, описание свадебных обрядов и другие фольклорные материалы, записанные в разных станицах и хуторах Дона, в разное время людьми, искренне любившими народное творчество и стремившимися его популяризировать, сделать достоянием широких кругов общества. Подлинные перлы устного народного

творчества были рассыпаны и в других выходящих на Дону периодических изданиях, в частности «Донской пчеле», ежемесячном иллюстрированном историко-литературном журнале «Дон» и других. В них попадались и рецензии, и статьи, в которых авторы делали попытки осмыслить богатейшее устно-поэтическое наследие донского казачества.

Знакомство с напечатанными песнями, сказками, преданиями, легендами, поверьями, заговорами, приметами, пословицами, поговорками не только внутренне обогащало А. М. Листопадава, но и заставляло глубоко задумываться над истоками донского фольклора, его жизненности, силы, традиционности. Исподволь закрадывалась мысль — желание самому попробовать записать те песни, которые издревле поют на Дону. Мысль эта неотступно следовала за ним, приходила в голову в самое неподходящее время, но он уже ничего не мог поделать с этим. И когда, окончив семинарию, А. М. Листопадов становится учителем хуторской школы в родной станице, он дает волю всецело завладевшей им мечте посвятить свою жизнь собиранию и изучению народных песен.

Когда Листопадов знакомился с отдельными песнями, опубликованными в периодической печати, он немало досадовал на то, что песни эти даны без напевов. Хотя слова были яркими, выразительными, однако без напева пропадали вся прелесть и очарование, вся неповторимость и своеобразие донской песни. И он поставил себе за правило — записывать не только текст, но обязательно и напев. Только тогда казачья песня сможет предстать во всей своей многокрасочности. Но как это сделать, он еще не знал.

Листопадов начинал как самоучка, не имея ни руководителя, ни советчика. Правда, ему уже пришлось встретиться и с такими трудами, где народные песни давались с музыкальным сопровождением, с «квалифицированным аккомпанементом», но он ясно видел их погрешности.

Первые записи были сделаны А. М. Листопадовым в 1892 году. Это были случайные записи от молодых казаков, преимущественно полугородских жителей. Каждый раз собиратель выбирал одного исполнителя, который казался ему, как он вспоминал, «наиболее опытным и голосистым». Когда накопилось тридцать записей, он обработал их в духе общепринятой гармонии и решил издать.

Книгопродавец, к которому обратился А. М. Листопадов, отнесся к молодому и неопытному собирателю с недоверием. Тогда он обратился к другому книгопродавцу, который посоветовал дать свои записи кому-либо из профессоров Петербургской консерватории для написания аккомпанемента. Предложение это, вспоминал собиратель, подействовало на него отрезвляюще, потому что он уже успел узнать, что «музыканты наши продолжают издавать народные песни с сопровождениями, непригодными для русской музыки, в большинстве случаев окончательно уничтожающими смысл мелодий...» и что «народная мелодия, по всем правилам оснащенная хитросплетениями контрапункта, гармонии и ритма, утрачивает свой настоящий характер и становится для народа совершенно непонятною».

Внимательно присмотревшись к своим записям, он понял, что они неполноценны, не похожи на то, что слышал он от казаков-песенников, что



упущено основное в казачьей песне — ее многоголосие, так как записи были сделаны от песенников-одинок.

Большую часть своих первоначальных записей А. М. Листопадов уничтожил, увидев, как он писал, «несоответствие между получившимся у меня одноголосием и бытующей среди донских песенников многоголосной традицией, чтобы перейти к записи в обстановке, соответствующей действительной природе русской народной песни и ее ближайшей отрасли — донской казачьей песни, в обстановке многоголосного исполнения, при участии нескольких певцов».

Вот почему собиратель считает началом своей действительной работы над песенным фольклором 1894 год, знаменательный, памятный, явившийся водоразделом между двумя годами первых опытов, ученичества и всей последующей деятельностью.

«Нужно сказать, что работа моя, — пишет А. М. Листопадов в своих «Автобиографических заметках», — в отличие от работы большинства собирателей, записывающих одни лишь тексты, осложнялась тем, что я одновременно записывал и напевы, никогда не отделяя от них тексты.

Своеобразие мелодических ходов (голосоведение) и гармонических сочетаний, отличающих казачью песню, меня мало смущало, потому что я привык к ним с детства. Но я должен был ознакомиться ближе со строем русской народной песни по сборникам и исследованиям. Поэтому я обратился к изучению всего, что можно было найти по этой части.

Через мои руки прошли почти все не только наиболее известные, но и малоизвестные, чем-либо останаавливающие на себе внимание иссле-

дователя сборники песенных текстов без напевов, сборники с напевами и, наконец, исследования, начиная с работ Одоевского и Серова и кончая Фаминцыным, Сокальским и Коршем».

Надо сказать, что А. М. Листопадов начинал не на пустом месте. В русской фольклористике был накоплен разнообразный и обильный материал. И он приступил к самостоятельному штудированию научных трудов, теоретических исследований, музыкальных записей, сделанных как любителями-дилетантами, так и крупнейшими мастерами русской музыкальной культуры. Четыре года напряженной работы ушло у него на изучение и осмысливание этого материала. Не переставал он и в эти годы делать записи. «Однако всю работу по изучению и записи в этот период я производил как бы оцупью, — признавался позже А. М. Листопадов, — не имея надлежащего руководства. Систематических знаний в области теории музыки я не имел. Не было у меня также образцов текста и особенно напевов, которым без колебаний я мог бы следовать при записях как донской, так и вообще русской песни».

Нельзя не отметить, что недостаток теоретических познаний несомненно затруднял освещение изучаемого материала. Но незаменимым подспорьем в этом деле оказались тонкое чутье, интуиция, а главное — глубокое проникновение, если можно так выразиться, в самую душу, сердцевину песни. Пусть еще небольшой, но все же личный опыт и доскональное знание казачьей песни помогало ему критически воспринимать прочитанное.

Первые публикации казачьих песен были сделаны за семьдесят лет до того, как А. М. Ли-

стопадов серьезно приступил к их изучению. В «Русской старине» за 1824 год появились пять песен, записанных большим знатоком истории донского казачества декабристом В. Д. Сухоруковым, поместившим их в качестве приложения к своему очерку «Частная жизнь донцов в конце XVII и первой половине XVIII в.». Но напевы к ним, представленные Кольбе в фортепьянном изложении по немецкому образцу, не дают даже приблизительного представления о настоящей народной казачьей песне, вследствие неправильности записи и чуждой им гармонизации. Работа Кольбе сыграла отрицательную роль в деле записи донского фольклора, на многие годы дезориентировав русские музыкальные круги, почти совсем не знавшие донской песни.

Но, как говорится, нет худа без добра. Работа Кольбе была для А. М. Листопадова полезна тем, как отмечал сам собиратель, что «на первых же порах моей деятельности в области донского фольклора показала, как не следует подходить к народной песне, если ставить себе целью сохранение ее подлинного вида и склада».

Ряд последующих собирателей в своих записях песен с напевами — Е. Альбрехт и Н. Весель («Сборник солдатских, казацких и матросских песен», 1866 г.) и Шило («Сборник русских, казачьих и военных песен для донского кадетского корпуса», 1891 г.) пошли вслед за Кольбе, дав в своих сборниках песни или для фортепьяно, или для одного голоса с фортепьянным сопровождением.

Следует упомянуть вышедший в 1866 году «Сборник донских народных песен» А. Савельева, как один из лучших, но в нем совершенно отсутствовали напевы. В 1885 году появились

«Донские казачьи песни» А. Пивоварова. Но этот сборник был тоже безнапевным. Отмечая ценность этих сборников по подбору материала, А. М. Листопадов в то же время видел в них попытки литературной обработки, переработки типичных народных выражений и оборотов.

Хочется заодно отметить, что в ряде сборников с напевами, вышедших уже в начале XX века, также имелись существенные недостатки. Низкий уровень отличает «Казачьи песни Донского войска» Хрещатицкого, 1903, «Сборник казачьих песен» С. А. Холмского, 1910, «Песни донских казаков» Н. Н. Голубинцева, 1911, «Песни казаков» Вл. Арнольд-Ильинского, 1915. Авторы этих сборников, быть может, искренне любя донскую старину, очень мало знали ее, не понимали строя и характера донской казачьей песни.

Если еще назвать имена А. Чекунова и В. Секретева, авторов «Сборника донских литературных памятников народного творчества», опубликовавших в 1875 году собрание 56 текстов в «Донских областных ведомостях», академика Вс. В. Миллера с его трудом «К новым записям былин из Донской области» (1902 г.) да М. Елкина с его «Что поют казаки 7-го казачьего полка», то этим будет исчерпано почти все, более или менее значительное, что появилось в печати о донском песенном фольклоре до революции.

Надо отдать должное многим любителям донской старины и добрым словом помянуть их усердие и старание. Несомненно, что большая работа, сделанная рядом фольклористов-собирателей, представляет немалую ценность и сыграла положительную роль. Тем не менее

следует признать, что подлинных песен казаков с их неповторимой мелодией ко времени начала собирательской деятельности А. М. Листопадова записано не было. Вот почему ему пришлось идти непроторенным путем первопроходца и как собирателю, и как исследователю. Его неустанные поиски, размышления над строем и характером донской казачьей песни были благотворны.

«Уже в этот начальный период своих исканий, — говорит А. М. Листопадов в своих «Автобиографических заметках», — я не мог не обратить внимание на роль и место многоголосия столько же в донской казачьей, сколько в донской украинской песне, записи которой я также отдавал время. А роль эта настолько значительна и, я бы сказал, настолько первостепенна, что неотвратимо обязывала к переоценке всего того, что было в сборниках даже лучших русских музыкантов, на которых мы сами учились: Балакирева, Римского-Корсакова, Чайковского, редактировавшего сборник Прокунина».

Продолжая делать записи все новых песен, А. М. Листопадов углубленно изучает историю русского фольклора, знакомится с трудами видных музыкальных деятелей, этнографов, собирателей русских народных песен. Особенно привлекают его внимание записи русских народных песен в многоголосном исполнении. Большой интерес вызывают у него работы известных знатоков песнетворчества Ю. Н. Мельгунова, Н. Е. Пальчикова, Е. Э. Линевой, В. П. Прокунина, Н. М. Лопатина и других.

А. М. Листопадов вспоминал, что первым ему в руки попал сборник Балакирева «40 русских народных песен», вышедший в 1866 году. Одноголосным мелодиям композитор придал

фортепьянный аккомпанемент. И хотя сделано это было мастерски, но мало напоминало русские народные песни Орловской, Пензенской и других губерний, тогда только записанные А. М. Листопадовым. Многоголосие этих песен и многоголосие фортепьянного сопровождения, сделанного Балакиревым, не имели между собой ничего общего. «Было ясно, — говорил А. М. Листопадов, — что многоголосие Пензенской, равно как и донской песни, основано на каких-то иных принципах, отличных от принципов гармонии, лежащих в основе балакиревских аккомпанементов».

Острым критическим чутьем фольклориста-исследователя и музыковеда-аналитика А. М. Листопадов обнаружил существенные недостатки в сборнике даже такого авторитетного и знаменитого деятеля, как М. А. Балакирев.

Отдавая должное сборникам Ю. Мельгунова «Русские песни, непосредственно с голоса народа записанные и объясненные» (1879 г.) и Н. Пальчикова «Крестьянские песни, записанные в Уфимской губернии» (1888 г.), А. М. Листопадов не смог не заметить их серьезных пороков. Мельгунов и Пальчиков, положившие по существу краеугольный камень в понимании основ русского многоголосия, по словам А. М. Листопадова, «открывшие многим глаза на действительный склад русской песни», все же многоголосия в своих записях не давали. Вместо единовременной записи многоголосного исполнения у них мы находим сводку подголосочных вариантов в виде отдельных мелодий, не находящихся между собою в связи. Вообще вопросам многоголосия не уделялось особого внимания.

Первым по времени и действительно дающим многоголосную русскую песню был «Сборник русских лирических песен» Н. М. Лопатина и В. П. Прокунина (1889 г.).

## ГЛАВА ВТОРАЯ

За десятилетие, прошедшее с того времени, когда он впервые приступил к собиранию казачьих народных песен, А. М. Листопадов глубоко и критически освоил обильный материал, накопленный русскими фольклористами. Опыт предшественников был на редкость поучительным. Он облегчал поиск верного пути, к которому мучительно, но упорно шел молодой собиратель. Им было записано уже 400 народных казачьих песен, и все с напевами. Анализируя собранный им материал, он все больше приходил к убеждению, что казачья песня по природе своей многоголосна, что многоголосие составляет наиболее существенную ее особенность. Но твердую почву под ногами, как сообщает собиратель, он почувствовал в 1902 году, когда включился в работу Московской музыкально-этнографической комиссии Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Надо сказать, что в музыкально-этнографическую комиссию, только недавно начавшую свою деятельность, входили известные композиторы Н. А. Римский-Корсаков, С. И. Танеев, М. М. Ипполитов-Иванов, А. К. Лядов, А. Т. Гречанинов, Д. И. Аракишвили (Аракчиев), В. С. Калинин, видные музыканты-этнографы, знатоки русской народной песни В. П. Прокунин, А. Д. Кастальский,

В. В. Пасхалов, П. А. Карасев, Е. Э. Линева, А. Л. Маслов, Н. А. Янчук и другие. Специалисты в области музыкального народного творчества систематически собирались на заседания комиссии, где выступали с докладами и сообщениями по народной музыке.

В хранящейся в архиве Института этнографии Академии наук СССР рукописи В. В. Богданова «Очерк из истории русской интеллигенции и русской науки» говорится, что это было «не только совершенной новинкой в нашем обществе, но и вообще редким явлением в этнографической науке. Таким образом, здесь едва ли не впервые народная музыка была введена в круг серьезного исследования ученого общества не только в идее, но и в действительности».

Получив предложение музыкально-этнографической комиссии выступить с сообщением о своей собирательской работе, 4 февраля 1902 года А. М. Листопадов сделал здесь свой первый доклад. Видные музыканты с большим интересом слушали молодого хуторского учителя, успевшего уже так много сделать. И собранные им песни, и его высказывания о многоголосной природе казачьей народной песни были встречены со вниманием. Таким образом, впервые научные круги и музыканты познакомились с неизвестными до того подлинными напевами народного казачьего творчества, квалифицированно записанного молодым специалистом.

В протоколе заседания комиссии, опубликованном в первом томе «Трудов музыкально-этнографической комиссии» за 1906 год, отмечается, что представленные на ее рассмотрение записи имеют высокий уровень и сделаны «по всем правилам науки». А. М. Листопадов был



избран членом музыкально-этнографической комиссии и отныне получил счастливую возможность сотрудничать с выдающимися деятелями русской музыкальной культуры. С их стороны он встретил внимание, понимание и помощь в дальнейшей деятельности. И хотя вопросам многоголосия, имеющим для русской народной песни существеннейшее значение, не уделялось на заседаниях комиссии серьезного внимания, А. М. Листопадов не упускал случая обсуждать их в личных беседах, порой очень продолжительных и оживленных, с А. Д. Кастальским, С. И. Танеевым, А. Л. Масловым, А. Т. Гречаниновым. «В результате у меня начало складываться убеждение, — писал А. М. Листопадов, — что многоголосие должно быть свойственно всем русским народным песням, если не считать специфически одnogолосных, исполняемых всегда и везде одним голосом, колыбельных и причитаний (причетов)».

Получив одобрение и поддержку, А. М. Листопадов начал готовиться к новым, более серьезным и систематическим занятиям любимым делом, важность и значительность которого осознавалась им все больше и больше. Родилась мечта о длительной песенной экспедиции по донским станицам и хуторам. Благоприятное стечение обстоятельств способствовало ее скорому осуществлению.

Член Кубанского и Терского статистического комитета А. Д. Бигдай, издавший уже 10 выпусков собранных им в этих областях казачьих песен, представил в начале 1902 года военному министру докладную записку, в которой обосновывал необходимость собирания во всех казачьих войсках народных песен. Он просил выпол-

Нение этой задачи поручить ему. Предложение это было отклонено. Однако, признавая вопрос заслуживающим внимания, 16 мая 1902 года министр отдал распоряжение об организации собрания песен в каждом войске отдельно. По указанию Главного управления казачьих войск на местах стали создаваться специальные песенные комиссии.

Следует подчеркнуть, что раньше всех откликнулось на это распоряжение Донское войско. Уже 20 июня 1902 года на общем собрании областного статистического комитета этот вопрос подвергся всестороннему обсуждению. Участники собрания проявили горячий интерес к необычному, но столь необходимому делу. Председателем песенной комиссии был назначен генерал-майор В. М. Лютенсков. Но не представляя себе ни характера, ни объема работы, члены статистического комитета решили поручить собирание донских песен одному человеку, определив срок командировки в полтора-два месяца. Кому-то пришла в голову счастливая мысль пригласить для выполнения этого поручения А. М. Листопадова, в то время молодого еще, но уже имевшего и некоторый опыт и определенные навыки собирательской работы фольклориста. Вступить в переговоры с Листопадовым было предложено действительному члену комитета, также вошедшему в песенную комиссию, Х. И. Попову. К слову сказать, Харитон Иванович Попов возглавлял комиссию по устройству Донского музея, проявлял глубокую заинтересованность казачьей стариной, в его лице Листопадов видел «лучшего знатока донской истории и быта казаков».

Получив письмо с предложением принять

участие в первой донской песенной экспедиции, Листопадов охотно согласился, но, зная по собственному опыту, что одному справиться с такой задачей будет не под силу, сообщил Х. И. Попову о необходимости привлечь для непосредственной записи песен хотя бы еще одного человека.

В течение ближайших нескольких месяцев вопрос о собирании донских песен не раз выносился на обсуждение областного статистического комитета. Листопадову было предложено представить записку с изложением его соображений относительно песенной экспедиции. Такую записку он составил 30 августа 1902 года в хуторе Насонтове, где тогда учительствовал, и направил ее Х. И. Попову. В этой записке, в частности, он писал: «Зная по опыту, насколько трудно одному лицу управляться с таким делом, как записывание песен с голоса, когда необходимо одновременно следить и за напевом, и за текстом и тотчас заносить все это на бумагу, и принимая во внимание ограниченность срока и относительную спешность всякой вообще командировки, я обратился с приглашением принять участие в поездке к Сергею Яковлевичу Арефину, хорошо знакомому с условиями собирания песен, так как им в разное время и в разных местах Донской области, главным образом в районе Есауловской станицы, записано было 150 текстов казачьих песен, и получил от него полное согласие на поездку».

Готовясь к песенной экспедиции, которая на Дону проводилась впервые, Листопадов изучил отчеты о песенных экспедициях в разные районы страны, главным образом в северные. Он внимательно проштудировал отчеты 1886, 1893,

1894, 1895, 1897 годов о трехмесячных экспедициях, состоявшихся на частные средства. Эти отчеты лишней раз убедили его, как пагубно сказывается на качестве записей отводимое для этого ограниченное время. Например, экспедиция 1886 года в Архангельскую и Олонецкую губернии за трехмесячный почти срок, выполняя данный ей маршрут, прошла 2720 верст, останавливаясь в каждом пункте на сутки или еще и того менее, записала 119 мотивов с текстом песен, причем добрая половина времени уходила на розыски песенников. Самому делу оставалось всего несколько часов. «Спешное перескакивание с места на место, — писал в своей записке Листопадов, — не может дать серьезных результатов; оно принесет только известное количество в ущерб качеству».

Вопрос о времени, планируемом для экспедиции, волновал и С. Я. Арефина. «Самым важным из условий успешности экспедиции, — писал он в своей записке 29 августа 1902 года, направленной в статистический комитет из хутора Любимова, Есауловской станицы, — имеющим влияние на результаты всего дела, я считаю неторопливость работы и внимательное, критическое отношение к песне на месте во время записи ее».

2 октября 1902 года состоялось очередное собрание областного статистического комитета, вновь рассматривавшее вопрос о Донской песенной экспедиции. На собрание были приглашены А. М. Листопадов и С. Я. Арефин.

Член комитета Х. И. Попов доложил, что он входил в переписку с собирателем донских песен А. М. Листопадовым и что Листопадов изъявил согласие собирать донские песни вместе с приглашенным им С. Я. Арефиным. Сообщил он

также, что Листопадов и Арефин представили записки, подробно объясняющие, как бы они полагали выполнить упомянутое поручение. «По их плану для этого потребуется времени до девяти месяцев, — сказал Х. И. Попов. — Вполне понимая важность такого дела, как сохранение... старинной донской песни во всех ее разветвлениях (исторической, бытовой, свадебной), и всецело отдаваясь этому делу, Листопадов и Арефин решаются оставить даже свое служебное положение и посвятить свой труд исключительно принимаемому на себя поручению, пока оно не будет доведено до конца».

Доложил он также и о том, что после внимательного ознакомления с упомянутыми записками нашел план собирания песен, намеченный фольклористами, вполне целесообразным. Члены комитета с одобрением встретили сообщение о том, что независимо от главного дела — записывания песен Листопадов и Арефин изъявили согласие попутно, по мере возможности, записать и народные обычаи, поверья, предания и этнографические особенности населения (типы, постройки и пр.), для чего им необходим фотографический аппарат.

Далее был затронут вопрос о средствах, необходимых для проведения песенной экспедиции. По самому скромному подсчету, сделанному Х. И. Поповым, выходило, что на собирание донских народных песен потребуется три тысячи четырехста рублей. Эта сумма складывалась из следующего:

1. Для путевой экипировки командированных — 250 руб.
2. На суточные расходы (продовольствие

и пр.) — по 1 руб. 50 коп. каждому в сутки, а всего двум по числу 270 дней — 810 руб.

3. На расходы по вознаграждению и угощению певцов по числу намеченных приблизительно 100 пунктов, из расчета по 8 руб. на пункт — 800 руб.

4. На личное вознаграждение командированным Листопадову и Арефину за их труд по 50 руб. каждому в месяц — 900 руб.

5. На приобретение фотографического аппарата — 150 руб.

6. На непредвиденные расходы — 490 руб.

Для характеристики деятельности Листопадова на поприще собирания донских песен Х. И. Попов прочитал вначале письмо этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии от 8 марта 1902 года, в котором, в частности, сообщалось, что 5 февраля 1902 года на заседании музыкальной комиссии этнографического отдела были рассмотрены народные песни, собранные Листопадковым в I Донском округе, и было поручено секретарю комиссии А. Л. Маслову на одном из следующих заседаний сделать специальное сообщение.

В упомянутом письме председателя музыкально-этнографического комитета Н. А. Янчука говорилось о том, что записанные Листопадковым песни составляют большую ценность и по количеству старинных образцов превышают существующие сборники, а также отмечалось, что песенное собрание Листопадова является «образцовым, отвечающим всем требованиям науки».

Затем Х. И. Попов познакомил собравшихся с отзывом секретаря музыкально-этнографической комиссии А. Л. Маслова, сделанным им на

заседании комиссии 1 марта 1902 года. В этом отзыве приводится подробный разбор записанных Листопадовым народных песен со стороны их мелодического строения, дается высокая оценка проделанной собирателем работе.

«В то время, как народная песня на Западе почти отошла в область археологии, — говорилось в отзыве, — у нас еще она свято хранится и живет в народе, и творчество его не иссякло... В последнее время как учеными учреждениями, так и отдельными лицами... принимаются меры к сохранению и собиранию образцов народного музыкального творчества, и в этой области труды их увенчались успехом. К таковым нужно отнести и материал, собранный А. М. Листопадовым в I Донском округе».

Далее сообщается, что рассмотренный на комиссии собранный Листопадовым материал состоит из 177 свадебных песен с напевами, обнимающими собою весь круг этого обряда, начиная с песен на рукобитье и кончая песнями, поющими непосредственно после свадьбы (на послесвадебных гуляньях) и вечеринках, и 17 других внесвадебных — былин, исторических и протяжных песен.

«Нечего и говорить, — пишет А. Л. Маслов, — какую ценность приобретает собранный материал, если представить себе те скудные и неточные данные, которыми пользовались наши первые исследователи русской песни в связи с напевами — А. Н. Серов, Ф. Одоевский, П. Сокольский и другие». И далее автор отзыва говорит о том, «какую роль сыграли бы песни, собранные теперь А. М. Листопадовым, для упомянутых исследователей».

Анализируя песенное собрание Листопадова, Маслов подчеркивает характерные особенности донских песен, которые, по его мнению, состоят в исключительном многоголосии, имеющем в своих сочетаниях очень много диссонирующих ходов, а в следовании подголосков встречаются ходы квартами, параллельными квинтами и даже параллельными трезвучиями. Он отмечает также, что ритмика русской песни как нельзя более ясно здесь является в своей свободе и в уложении Листопадовым в ноты осталась неза-темненной.

«В заключение нужно сказать, — говорится в отзыве, — что материал Листопадова, заключающий в себе такую массу песен в древнеприродных строях, в этом случае превышает почтенный труд г. Пальчикова».

Такая высокая оценка деятельности молодого фольклориста известными деятелями русской музыкальной культуры была восторженно встречена членами областного статистического комитета. Но еще большей симпатией и уважением к А. М. Листопадову прониклись присутствующие, когда председатель предоставил ему слово и с трибуны прозвучал насыщенный интересными мыслями доклад о предстоящей песенной экспедиции.

За 12 минут А. М. Листопадов успел осветить историю вопроса и дать четкую и вразумительную характеристику особенностям донской казачьей песни, обосновать и доказать необходимость ряда мер для плодотворной работы экспедиции, а также поставить организационные вопросы. Выслушанный с большим вниманием и интересом, Листопадов убедил членов комитета, во-первых, в том, что они не ошиблись в выборе



Непосредственного руководителя песенной экспедиции, и, во-вторых, в том, что затеваемое ими дело имеет немаловажное общественное значение.

В своем докладе А. М. Листопадов, в частности, подчеркнул:

«Занимаясь уже давно собиранием донской казачьей песни, я, главным образом, имел в виду дать в окончательном виде такой материал, который с музыкальной точки зрения мог бы убедить, что всякая чисто народная песня, т. е. собственно музыка песни, носит в себе зародыши своеобразной, выходящей из самой сути мелодии, гармонизации, характерными чертами своими отличающейся от гармонизации всякой другой мелодии, основанной на законах западноевропейской музыки. По мысли Лароша, известного музыкального критика, всякая гармонизация народной песни есть кабинетная выдумка, во всяком случае разрушающая ее смысл и склад внесением чуждых ей элементов, и если гармонизовать народную песню, то надо стараться сколь возможно менее изменить ее склад и характер.

Здесь, впрочем, не место распространяться о тонкостях музыкальной науки и едва ли даже возможно было бы в настоящее время разрешить вопрос о гармонизации народной песни при тех скудных и неточных данных, которыми располагает наука по этому предмету. Я должен был затронуть этот вопрос для того, чтобы показать, что экспедиции, необходим более или менее продолжительный срок для успешного выполнения предприятия и для получения таких результатов, каких не может дать спешная кратковременная поездка».

Остановившись на печальном опыте экспедиции, снаряженной в Архангельскую и Олонецкую губернии, записавшей 119 мотивов с текстом песен, и отметив, что прекрасно изданный материал этот представлял собою собрание голых мелодий без всякого намека на способы народной гармонизации, А. М. Листопадов продолжал:

«Нашу же, казачью, песню очень редко услышишь в одиночном исполнении, да и то тогда певец при каждом новом стихе так разнообразит мелодию, так варьирует ее, что из последовательных записей всех его вариаций получается стройная, оригинальная гармония с характерными интервалами, которые, будучи просты и естественны сами по себе, трудны для воспроизведения с нотных записей музыканту, воспитавшему свой слух на произведениях западноевропейской музыкальной литературы. Конечно, чем более певец употребляет вариации, тем труднее становится для записывателя его задача, тем труднее, что певец, обладающий иногда легким и свободным голосом, как будто любит красивыми переливами своего голоса и изобретает неожиданно такие замысловатые музыкальные фигуры, которыми и сам невольно залюбуешься и заслушаешься, позабыв свой карандаш, и которые между тем по своей красоте и непосредственности требуют непременно занесения на бумагу.

Внимание записывателя еще более усиливается, когда имеешь дело с несколькими песенниками, одновременно исполняющими случайным хором какую-нибудь песню. Такой хор совсем не похож на правильно организованный хор с дирижером во главе, где каждый голос знает

только свою партию. Здесь дирижер тот, кто заводит песню; если он не твердо знает какую-нибудь песню, заводит другой песенник, и в этом случае за ним уже ведут песню остальные товарищи его, причем каждый ведет ее по-своему, варьируя мелодию в пределах своеобразной, строгой народной гармонии. Появляется подголосник — эта душа песни, без которого песня не имеет той шири и свободного размаха, свойственных настоящей исконной казачьей песне и обусловленных историческим складом жизни донских казаков.

Нужно ли говорить, что труд записывающего при подобных обстоятельствах удваивается и утраивается, является надобность прослушать такую песню не один раз, два-три раза, чтобы не упустить из виду ни одного штриха народной гармонизации. Это необходимо в виду того назначения, которое должен иметь изданный сборник. Наша цель дать не голую мелодию, а материал, гармонизованный самим народом, создавшим одновременно с мелодией и гармонизацию ее, гармонизацию строгую, построенную на древнегреческих ладах, хотя в некоторых случаях и трудную и даже неудобную для исполнения правильным хором. Это будет все-таки сырой материал, как и все почти сборники русских народных песен...

Работа при таких условиях и в таком направлении сама собою заставит нас останавливаться насколько возможно долее в том или другом из песенных пунктов, чтобы иметь возможность путем более или менее продолжительного ознакомления с казачьей средою извлекать из нее то, что заслуживает вообще вни-

мания собирателя, и притом исподволь, стараясь не делать из этого пения по заказу.

Это лучший способ по признанию всех прежних собирателей, и я, на основании собственного опыта, должен только подтвердить это, не большой сам по себе хутор Насонтов, состоящий всего из 140 дворов, один дал мне более 300 песен за несколько лет моей песенной деятельности».

Сказав о том, что Донская область в песенном отношении — непочатый и богатейший музыкальный источник, что при наплыве массы песенного материала, составляющего репертуар каждого песенника, придется только писать и писать без критического отношения к делу и главное без проверки, Листопадов выразил надежду, что статистический комитет при составлении плана песенной экспедиции не будет стеснять ее точным выполнением маршрута в указанный срок. «Конечно, в интересах дела было бы лучше и результаты были бы осязательнее и полнее, — говорил Листопадов в своем докладе, — если бы комитет нашел возможным увеличить срок поездки на более долгое время, например до девяти с половиной месяцев, т. е. почти на целый год, исключая летние месяцы, в которые рабочему земледельцу-казаку не до песен».

В докладе были также затронуты вопросы чисто практического характера — об ассигновании средств, обеспечении дорожными картами, об оказании местными органами власти помощи в работе экспедиции, о выдаче особо отличившимся песенникам именных благодарственных свидетельств и др.

После Листопадова с докладом выступил

С. Я. Арефин. Он поделился своими соображениями о проведении песенной экспедиции, обнаружив хорошее знание быта казачьей среды и особенностей тех или иных групп песенников.

Отметив, что старинная казачья песня до сих пор еще сохранилась на Дону во всей своей чистоте и что намерение статистического комитета организовать экспедицию для записи старинных казачьих песен является как нельзя более своевременным, а поездка по области с этой целью должна принести богатые результаты, он заострил вопрос на ряде условий, соблюдение которых будет способствовать успешному выполнению намеченной задачи.

«Донскую, как и вообще народную, песню, за исключением, пожалуй, исторической военной, по моему мнению, вместе с записыванием надо изучать в связи с соответствующей обстановкой, — заявил Арефин. — Свадебные, обрядовые, игровые, карагодные песни обставлены известным ритуалом, который дополняет и часто объясняет их. При кратковременном сроке поездки нам нельзя будет успеть записать с желательной полнотой этот ритуал песни, так как придется спешить, нельзя будет, самое главное, самим видеть его. От этого, мне думается, много потеряет качественная сторона дела: запись песни без ритуала будет неполна, недостаточна, запись ритуала со слов певцов или певиц будет и неполна, и неверна. А между тем по преимуществу в обрядовой песне мы должны искать следы седой старины. Кроме того, есть много песен, исполнение которых приурочивается к известному времени года, какому-нибудь празднику и т. д. Таковы, например, весенние, карагодные песни, песни при завивании венков...

Кратковременная поездка осенью не даст нам возможности слышать эти песни.

Можно будет, конечно, расспрашивать, просить сыграть, но это будет носить искусственный, принудительный характер, чего всеми силами надо избегать при изучении народной песни.

Песню надо слушать и записывать при известной обстановке и в известный момент исполнения, когда песня сама собою просится наружу и льется свободно широкой волной, а не поется по заказу после усиленных и настойчивых просьб. Я из своей песенной практики вынес такое наблюдение над исторической казачьей песней: лучше всего историческую песню записывать на ярмарке, в корчме или на проводках «малолеток» на службу, или на «майское». И вот почему».

И далее докладчик сообщает, что на проводки «малолеток» собирается весь хутор; тут сами собой подбираются песенники сыгравшиеся, спевшиеся уже, хорошо знающие характерные особенности и манеру играть друг с другом, и песня льется свободно, без принуждения. Певцы соответственно настроены, играют не по заказу, не стесняются, не робеют... «Тут вы можете услышать, — говорил Арефин, — неожиданные вариации подголоска, новый вариант завода, когда песня, вид толпы, служивых разогреют какого-нибудь старика, и он вдруг покажет, как у них в Грузии игравали».

Доказывая необходимость соблюдения этого условия, докладчик, основываясь на собственном опыте и опыте своих предшественников, подчеркивает, что привычка песенников друг к другу много значит для полноты записи песни. Редко можно встретить, напоминает он, чтобы

песенники двух разных станиц, даже двух разных хуторов одной и той же станицы сыграли как следует всю песню до конца. Она обыкновенно, замечает Арефин, не идет у них дальше 2—3-го стиха. Да это и понятно, необходимость следить друг за другом, приноровляться, охлаждает увлечение песней.

С. Я. Арефин заметил также, что для успешного проведения песенной экспедиции нужны неторопливость и вдумчивое, критическое отношение к песне, поэтому для работы необходим более продолжительный срок.

«Распределить изучение песен можно было бы таким образом: октябрь — свадебные в I Донском и Донецком округах, исторические — на ярмарках; ноябрь и декабрь — посиделочные, гулебные (бабы), исторические в тех же округах; январь и февраль — свадебные во II Донском округе и исторические на проводах казаков в полки; апрель, май, июнь — игровые, карагодные (девичьи), свадебные в Усть-Медведицком и Хоперском округах и исторические — на ярмарках и на проводах казаков на «майское». При этом март... можно было бы посвятить... на приведение в порядок собранного материала.

Такая распланировка работы принесла бы, мне думается, более ценные результаты (в смысле полноты и обширности материала), чем спешный, торопливый объезд нескольких округов в полтора-два месяца».

Как видно из сделанных Листопадовым и Арефиным докладов, очень удачно дополнивших друг друга, участники первой Донской песенной экспедиции очень четко представляли себе поставленную перед ними задачу, приступа-

ли к ее выполнению со знанием дела и большим желанием.

С доводами, приведенными ими, трудно было не согласиться, и члены областного статистического комитета удовлетворили их просьбы.

В протоколе статистического комитета от 2 октября 1902 года записано:

«Комитет, по всестороннем обсуждении данного вопроса и руководствуясь отношением главного управления казачьих войск от 16 мая 1902 года за № 1207, постановил:

1) отчислить из депозитов комитета двести рублей и выдать их на собрание донских песен Листопадову и Арефину;

2) такую же сумму отчислить из депозитов комитета в их распоряжение в 1903 году;

3) ходатайствовать перед военным министром об ассигновании трех тысяч рублей из войсковых сумм на тот же предмет...

4) просить о выдаче Листопадову и Арефину бесплатного билета для взимания земских лошадей по Области войска Донского;

5) предложить окружным атаманам оказывать содействие Листопадову и Арефину в деле исполнения возложенного на них поручения, а также выдать им открытое предписание;

6) предложить Листопадову и Арефину делать сообщение комитету о ходе их работы, а по окончании командировки весь материал, приведенный в порядок, передать в собственность комитета».

Заканчивается протокол следующей записью:

«На вопрос председателя (генерал-лейтенанта К. К. Максимовича. — И. Г.), к какому сроку Листопадов и Арефин могут представить комитету часть своей работы, они заявили, что представят ее к 25 декабря 1902 года».



Создав первую донскую песенную экспедицию, областной статистический комитет принимал все меры к тому, чтобы она проходила нормально, чтобы собиратели не испытывали неудобств в своей работе. Уже 4 октября 1902 года статистический комитет направил в областной распорядительный комитет по земским делам письмо с просьбой выдать командированным Листопадову и Арефину бесплатный билет на взимание земских лошадей сроком на девять месяцев. 9 октября статистический комитет уведомляет канцелярию войскового наказного атамана, что полученные 7 октября триста рублей выданы того же числа командированным для собирания донских песен А. М. Листопадову и С. Я. Арефину.

13 октября было направлено письмо в областное правление с просьбой сообщить, нет ли возражений против отнесения расходов на командировку за счет войсковых сумм. И уже 25 октября пришел ответ, в котором сообщалось, что «областное правление не встречает со своей стороны препятствий к принятию на счет общего войскового капитала расходы в три тысячи рублей, недостающих на командирование Листопадова и Арефина».

Всем окружным атаманам было разослано предписание, в котором предлагалось «сделать надлежащие распоряжения по вверенному Вам округу об оказании Листопадову и Арефину со стороны чинов окружной полиции, станичных и волостных правлений законного содействия при исполнении ими возложенных на них статистическим комитетом поручений».

16 октября были составлены открытые предписания на имя собирателей, и 19 октября они

были высланы окружному атаману I Донского округа с просьбой вручить их Листопадову и Арефину. Предписание за № 1556 гласит: «Предъявитель сего, окончивший курс Донской духовной семинарии Александр Михайлович Листопадов, командирован по постановлению Области войска Донского статистического комитета, состоявшемуся 2 октября 1902 года, по Области войска Донского для собирания донских песен, а потому предписывается чинам окружной полиции, станичным атаманам и волостным старшинам оказывать ему, Листопадову, законное содействие при исполнении возложенного на него поручения».

26 октября был отправлен военному министру рапорт с подробным изложением стоящих перед песенной экспедицией задач и ходатайством о скорейшем ассигновании из войсковых сумм трех тысяч рублей.

Пока шла эта переписка, а она, к слову сказать, не прекращалась на протяжении всего срока командировки, у членов песенной экспедиции Листопадова и Арефина было немало хлопот и забот.

Обязанности между ними распределились так: С. Я. Арефину было поручено вести записи текстов песен, а А. М. Листопадову — запись напевов. Кроме того, экспедиции было предложено попутно записать: «исторические сказания и рассказы о геройских подвигах казаков, о которых живут воспоминания в различных местностях и которые составляют славу и гордость казачества». Но это попутно. Главной целью экспедиции было собирание старинных казачьих песен.

Приступили к составлению маршрута. Надо

было учесть, кроме исторического прошлого того или иного пункта, и то обстоятельство, чтобы путь экспедиции проходил преимущественно по станицам, имеющим многолетнюю давность, коренное казачье население, так как именно здесь можно было получить наиболее ценный материал. «Перед нами, — писал А. М. Листопадов, — были те естественные пути, которыми шло заселение Дона сверху и снизу одновременно — река Дон и его более крупные притоки: Донец, Медведица, Хопер с Бузулуком, — и мы решили положить эти пути в основу маршрута».

Надо было продумать все детали предстоящей работы. Старались ничего не упустить. А. М. Листопадов еще раз проверил звукозаписывающий аппарат — фонограф. Это было тогда новинкой, и мало кто знал о его существовании, особенно в тех местах, куда направлялась экспедиция.

Любопытно заметить, что впервые для записи русских народных многоголосных песен фонограф применила известная собирательница устно-поэтического творчества Е. Э. Линева, многолетняя соратница А. М. Листопадова, или, как он называл ее, коллега по музыкально-этнографической комиссии, с которой он состоял в дружеской переписке вплоть до ее кончины в 1919 году. Выступая страстным пропагандистом русского хорового пения, Е. Э. Линева, гастролируя в Америке, давала концерты — дирижировала организованным ею русским народным хором, являясь одновременно и его запевалой. Как раз в это время Эдисон сконструировал фонограф. Линева познакомилась с Эдисоном. Изобретатель продемонстрировал ей свою новинку. Но первые модели фонографа были еще несо-

вершенны, не годились для записи русского народного многоголосия. Муж собирательницы, даровитый инженер и конструктор Александр Линева, усовершенствовал фонограф Эдисона, приспособив его для записи многоголосного пения. Так с лелкой руки Линева эта, как она называла, «говорящая записная книжка» стала применяться для фольклорных записей. Фонограф сильно выручал А. М. Листопадова во время песенных экспедиций. Сослужил он хорошую службу и в первой песенной экспедиции 1902—1903 годов.

Свои исследования экспедиция начала 18 октября 1902 года с хутора Исаева, Ермаковской станицы. Правда, этот хутор не входил в тщательно продуманный намеченный маршрут, и экспедиция попала в него случайно. Но жалеть об этом не пришлось, так как проведенные здесь дни оказались очень продуктивными.

Так случилось, что, собираясь в дорогу, А. М. Листопадов вместе с С. Я. Арефиным заехали в хутор Насонтов, где тогда жил Александр Михайлович. Сборы заняли дней пять. Но по округе уже успела распространиться молва, что командированные областным статистическим комитетом люди едут «поднимать старину». Эта весть особенно взволновала стариков. Как-то вечером заглянул к А. М. Листопадову старик Михайлыч, который и прежде не раз бывал у него и слыл «своим человеком». Служил он сторожем в Насонтове, а родом был из соседнего хутора Исаева.

«— К нам бы на Исаев вам заехать, Александр Михайлович, — набравшись смелости, начал он неуверенно. — У нас во какие песенники — мало где найдешь таких... Не хвалясь ска-

жу, поискать таких-то... Зять у меня дюжа хорошо играет...»

В своих уговорах Михайлыч был настойчив, упрям и неотступен. Пришлось уступить ему и заехать в хутор Исаев.

Для глухого, затерянного в степи хуторка появление двух образованных людей с диковинной машиной стало событием.

«Песенников экзаменуют», — говорили казаки.

Михайлыч, радостно взволнованный, затащил собирателей к себе:

«— Чайку попьете покель... а я зятя кликну.

К куреню собрались хуторяне. Толпа все увеличивалась.

В комнату вошел зять Михайлыча Антон Гончаров, поздоровался, прислонился к печи, тербя в руках фуражку. Это был рослый, сутуловатый казак. На нем был поношенный, узкий в плечах форменный казачий мундир старого образца. Было видно, что Антон Гончаров смущен, им овладела робость. Он не знал, куда девать свои большие, крепкие, загорелые руки, и, когда присел за стол, все прятал их, неловко сгибаясь на стуле.

Вскоре пришел еще старик-песенник Никифор Васильевич Приходкин. Началась работа. На столе появилась бумага, карандаши. Вместе с казаками были намечены песни, которые они будут играть.

Александр Михайлович приготовил фонограф.

— Ну, можно начинать, — сказал А. М. Листопадов Гончарову.

Казак побледнел, закашлялся и забился в темный угол. Зрители притихли и настороженно ждали.

Антон начал потихоньку, без слов, провел

одно колено песни и неожиданно остановился:

— А подголашивать кто ж будя? — обратился он к Михайлычу. — Одному неспособно...

— И в самом деле... — засуетился Михайлыч.

Приходкин не годился ему в партнеры, так как они были из разных станиц и играли песни по-разному.

— Лисава, разя? — напомнил Гончаров.

— Во-во! — обрадовался Михайлыч: — Лисава подголосит.

И Михайлыч выхватил из толпы зрителей высокую, красивую, молодую еще казачку и ввел за руку в горницу. Лисава, жена Гончарова, стала рядом с Антоном:

— Ну-к што ж. Заводи.

Ой, да я служил ба, толичка служи-ил да раздобрай я молодец... —

красивым, несколько дрожащим от волнения баритоном начал Гончаров песню.

Служил бы я ровно трем чей.... —

подхватила Лисава...

Голоса красиво переплелись, и своеобразная певучая мелодия полилась без перерыва», — вспоминает С. Я. Арефин в своем очерке «Среди песенников-казаков» («Вестник Европы», 1912 г.).

«Гончаров преобразился. Он уже не стеснялся, не горбился, а, наклонив немного набок голову и скрестив руки на груди, весь отдался песне. Со второй строфы голос у него окреп, появились варьирующие, украшающие мелодию нотки. Лисава «подголашивала» высоким контральто. Без слов, каким-то средним между «е» и «а» звуком она вплетала в мелодию целый букет мелких, высоких, извивающихся, сверкаю-

щих ноток, и через них песня получила художественную законченность, ширь и размах. Иногда Лисава останавливалась на минуту, пережидала, пока муж один проведет колено песни, и, присоединившись, сильнее оттеняла характерную красоту мелодии.

А песня жаловалась...»

После Антона Евстигнеевича и Елизаветы Андреевны Гончаровых играли песни старики Никифор Васильевич Приходкин и Михайлыч — Андрей Михайлович Бударин.

«— Песня брошенная, — сказал Приходкин.

И в самом деле, ни Гончаров, ни Лисава не знали ее, ни разу даже не слышали.

Тихие старческие голоса выводили:

Не светила вот красная солнушка ровна девять лет.  
На десятый солнушка просяила...»

С. Я. Арефин вспоминает: «По контрасту с блестящей, отчетливой игрой Гончаровых тихий, отрывистый старческий речитатив производил какое-то милое, задушевное впечатление».

Поздно вечером пришел еще один песенник, которого все время с нетерпением ждал Гончаров — Андрей Иванович Захаров.

«— Ну, брат, садись, — пригласил его Гончаров. — Мы братами с ним со службы зовемся, — пояснил он, обращаясь к С. Я. Арефину, — крестами менялись... Чево так поздно? А я тут без тебе попотел...»

Теперь играли Захаров и Гончаров. Заводил и вел мелодию песни Захаров, а Гончаров подготавливал высоким тенором, переходившим временами в фальцет...»

Осмелев, зрители наполнили горницу и сплошной стеной стояли за лавкой, на которой,

как почетные гости, сидели песенники. Окна снаружи также были облеплены слушателями.

«Поздно ночью окончили мы работу, — вспоминает С. Я. Арефин. — Усталые от непрерывного нервного напряжения, шли мы на взъезжую квартиру. Гончаров и Михайлыч пошли провожать нас... Стояла тихая, звездная, чуть-чуть морозная ночь, похожая на весеннюю. Хуторок еще не спал. В хатах виднелись огоньки, кое-где на улице слышны были голоса...

Первый пункт порадовал нас. Мы не ожидали такого блестящего начала. Михайлыч не обманул».

В хутор Кременской, Усть-Быстрианской станции, экспедиция приехала поздно вечером. А. М. Листопадов давно уже нетерпеливо ждал этого дня. Он знал, что в хуторе живет знаменитый песенник Федор Максимович Мартынов, глубокий старик, от которого ранее В. А. Харламовым были записаны тексты былин.

Александр Михайлович был крайне возбужден, взволнован, все время расспрашивал хозяев дома, где он остановился, о Федоре Максимовиче.

«— Да уж Федор Максимович — песенник, можно сказать!.. Вся порода ихняя песенники... — подливали масла в огонь хозяева.

Когда ложились спать, у Александра Михайловича выпрвалось:

— Хоть бы утро скорее!»

Ранним утром, едва лишь взошло солнце, перебравшись на взъезжую квартиру, послали за Федором Максимовичем. С трепетом ожидал Александр Михайлович его прихода. Торопил время, а оно как назло тянулось страшно медленно. Но вот в окружении своих родственни-



ков — зятя Ивана Гавриловича Воинова, двух дочерей — Марии и Екатерины — появился Федор Максимович, древний старик, следом подошел его старший сын — Василий Федорович.

«— Ну што ж, поиграю, — спокойно согласился Федор Максимович, — отчего не сыграть? У меня так жа вот раз Василий Акимович списывал... пишитя и Вы...

Он уселся за стол и, казалось, безучастно смотрел на набившихся в комнату зрителей, среди которых пристроилась и его родня.

— А еще кто бы сыграл с тобою, Федор Максимович?..

Старик, видимо, не понял сразу, пришлось переспросить:

— Подголоском кто будет?

— Подголоском-то?.. Никого нету... Перемерли мои товарищи-то... с кем игрывал я... а так в хуторе никто не сыграв.

— Соколиху бы позвать, — предложил кто-то из зрителей.

— Кочеткову, — поддержал другой. — Самая уж товарка ево...

— Какую Кочеткову? — заговорили в толпе.

— Марью Ивановну.

— О?! Марью Ивановну ды Соколиху — самай как раз... Самаи подружки ево — вместе гуливали...

Федор Максимович согласился, что эти две казачки лучше других знают те песни, которые знает и он, и смогут ему помочь».

Побежали за Соколихой и Кочетковой. И вот вскоре в горницу степенно, опираясь на палки, вошли две старухи — Авдотья Алексеевна Соколова и Мария Ивановна Кочеткова. Но они наотрез отказались играть песни. Немало при-

шлось потратить времени на уговоры. И только когда вмешались зрители, убедившие старух «не ломаться», они согласились.

«Федор Максимович был серьезен, сосредоточен. И вдруг деловито заиграл:

Да во славном было городе во Киеве,  
Да у славнава бы князя Володимира  
Собиралась у него да пир-беседушка —  
Все честна то бы, хвальна да много-радостная...

Размеренно, не торопясь, оттеняя слова, пел Федор Максимович былину, рассказывающую о том, как Иван Гардинович заспорил с князем Владимиром о быстроте лошадей.

Владимир-князь расхвастался на пиру:

— Как и есть-то в мене—князя—полтораства мереньев,  
Полтораства мереньев, девяносто жеребцов,  
Да и кто бы со мной, князем, позаспоровал скакать?  
Не об ста-то рублей и не об тысячу —  
Об своих-то об буйных об головушек?!

Один только Иван Гардинович принял вызов:

— Как выводит млад Ванюша свово доброго коня,  
Свово доброго коня — коня бурушку...  
Ванин конь заиграл, на нем шубу разорвал.  
Как и все-то тут князя дивовалися,  
Во глаза они Ванюше засмеялися...

Кинул богатырь Иван Гардинович князьям-боярам:

— Да вы глупы, неразумны, князя-бояры!  
Я поболе поживу — себе шубу наживу,  
А такого-то конечка мне во веки не нажить!..»

С. Я. Арефин вспоминает, как с чувством удовлетворения вырвалось у кого-то из казаков, когда Федор Максимович закончил:

«— Отпел!.. Молодчина!..

Начало былины — несколько строф — Федор Максимович играл почти один. Соколова и Кочеткова, восьмидесятилетние старухи, мало помогали ему.

— Голос не наломался, — заметила одна из них.

Понемногу, однако, разыгрались, «наломали голос» и старухи; в мелодию вплелись женские голоса, и мотив былины выступил более выпукло, сделался яснее, прозрачнее, легче, я бы сказал, воздушнее. С середины былины к поющим старикам присоединились зять Федора Максимовича Иван Гаврилович, молодой еще казак, страстный любитель песен, перенявший у старика чуть ли не весь его богатый репертуар, и дочь старика Марья Федоровна.

— Утерпишь разя? — улыбнулась она в мою сторону, видя, что я заметил ее вступление в песню.

Следующие былины играли уже все родственники Федора Максимовича. Вел песню в основном ее мотиве Федор Максимович, а остальные потихоньку подыгрывали ему. Голос старика звучал еще довольно твердо, хотя временами прерывался, дрожал и заглушался кашлем. И, кашляя, Федор Максимович, очевидно, не переставал «в уме» играть песню, так как он качал в такт песне головою и помахивал рукою, а, откашлявшись, сейчас же вступал в хор и вел песню дальше.

— Эх кабы мне годиков так сорок долой... — пожалел он. — А то што я теперь?!

При взгляде на Федора Максимовича у меня невольно вставал в голове вопрос: как, какими путями, в силу каких обстоятельств дошли до этого старика былины в таком чистом, сравнительно, виде и в таком обилии?.. Хотелось взглянуть в прошлое Федора Максимовича, узнать об его молодости... Восклицание старика о «сорока годиках» заставляло предполагать, что эти

«годики» наложили на него, как на песенника, неизгладимую печать, вытравили из него какие-то качества, которые нельзя уже восстановить и о которых остается только сожалеть.

А Федор Максимович сидел напротив меня через стол, спокойный, полуугасший, и время от времени, в промежутках между двумя песнями, бросал короткие воспоминания:

— С родителем, покойником, мы игравали... Любил покойник играть... Бывало, в Калитве на ярманке заиграем — вся ярманка за нами ходя...

По одному уже штриху — «вся ярманка за нами ходя» — можно было заключить, что Федору Максимовичу в свое время достались в наследство богатый песенный репертуар и хорошая песенная школа, пройденная под руководством отца. К этому присоединилось еще, вероятно, влияние, оказанное в детстве на Федора Максимовича его дядей, старшим братом отца, ветераном двенадцатого года, о чем Федор Максимович упомянул тоже вскользь.

Может быть, в этих двух Мартыновых — отце и дяде — можно видеть своеобразных собирателей и пропагандистов казачьей песни...

Работа наша шла споро. Песня следовала за песней; мы едва успевали делать записи. «Разгорелся» Федор Максимович, «наломали голоса» старухи, освоились с нами и обстановкой родственники Федора Максимовича — хор получился ровный, дружный, певшийся.

— Давай-ка, Максимович, «Груню» им заиграем? — попросила старика Соколова. — Вы уж дозволейте нам нашу, бабу проиграть, — обратилась она в нашу сторону, — самая наша любимая была колысь!

— «Груню», «Груню»... Обязательно надо про-

играть! — оживленно, с улыбкой подхватил Воинов, знавший, должно быть, эту песню. — Без «Груни» как можно уходить?!

Поддержали и слушатели из толпы:

— «Груню» проиграть им и умирать, бабка, можно!

— Вполне!.. Всю службу отслужишь...

Трое стариков проиграли «Груню», молодежь не мешала слушать... Славная такая, задумчивая бытовая песенка. Какой-то отзвук давнишнего, молодого задора и увлечения послышался мне в голосах стариков, как будто с этой песенкой какие-то воспоминания зашевелились у них в сердцах:

Груня-ягодка!.. Просила Груняшенька  
Ночевать к себе дружка:  
Приди, приди, разлюбезный мой,  
Сладких яблок принеси...

— Ну, теперь вы уж отпустите нас, старух, — поднялась Соколова, когда песенка была окончена. — Все вам начисто выложили... после «Груни» ничего уж нету!..»

Еще несколько былили и одну в высшей степени характерную былинную песню, как отметил ее А. М. Листопадов, дали усть-быстрянские песенники. Играли ее два глубоких старика — Тит Иванович Терновсков, которому было 86 лет, и Ларион Дмитриевич Баранников — 82 лет. Песня лилась удивительно гладко и стройно:

Да у дубика корешки булатные,  
Да у дубика шкорочка жестяная,  
Да у дубика отросточки хрустальные,  
Да у дубика листушки бумажные,  
Да у дубика желудочки позлаченные,  
Да и маковка с верхушкой зямчужная...  
Да на дубику гнездо все соколиная,  
Да под дубом стойла лошадиная...

Позаспорил ясен сокол сы добрым конем  
Не об ста та рублей и не об тысячу —  
Да об своих-то об буйных об головушек:  
— Да бежать им до того места урочного,  
До того луга зеленого,  
До того колодезя холодного,  
Да тебя, добрый коник, по земле бежать,  
Да и мне лететь, соколику, под небесью...  
Да и конь бежит — аж земля дрожит,  
Да ясен сокол летит — колокол звенит...  
Ух, и где ж ты была, забарилася?! —

вдруг, ударив в ладоши и притопнув ногою, перешел Баранников на плясовой мотив:

На дырявом мосту провалилася!..  
Прибегает конечек до того места —

тянул Тит Иванович.

Ах, и черт тебя нес на дырявый мост!..

— погоди, постой! Куда ты?! — бросился к Баранникову сидевший около него на корточках песенник: — Доигрывай.

— Зачем?.. Будя! — отмахнулся от него Баранников. — Песню до конца не доигрывают, же не правды не сказывают!

— Знаю... Играй, чудак!.. Им вон до конца надо штобы беспрерывно.

— А-а, ну-ну...

До того ль было места до урочного,  
До того ль было луга до зеленого,  
До того ль было колодца до холодного,  
Шелковой травы конечек наедается,  
Ключевой воды конечек напивается...

Опять наладилась песня, опять в комнате воцарилась тишина, повеяло тихой, задумчивой грустью седой старины...»

Эта зарисовка, воспроизведенная по живым следам событий участником экспедиции С. Я. Ар-

фильным, как и предыдущие, более или менее подробно пересказанные мною, дает наглядное представление о конкретной обстановке, в которой трудилась экспедиция, воспроизводит ту атмосферу участливого, заинтересованного отношения населения обследуемых районов к ее работе.

Рассказать обо всех песенниках и записанных от них песнях не представляется возможным. Да в этом и нет нужды. Скажем только, что песенная экспедиция 1902—1903 годов выполнила намеченный маршрут полностью, побывала в 99 населенных пунктах и почти за девятимесячный срок (с октября 1902 г. по июнь 1903 г.) записала 720 песен — 703 народных казачьих и 17 калмыцких. Как видно, результат превзошел все ожидания. Если, к слову сказать, известная собирательница русских народных песен Е. Э. Линева в 1897—1900 годах записала 170 песен, можно, подводя итоги деятельности донской экспедиции, сделать вывод, во-первых, об ее исключительно напряженной работе и, во-вторых, о необычайном песенном богатстве донского края.

Необходимо отметить, что песенная экспедиция не прекращала работы ни в летний зной, ни в осеннюю распутицу, ни в крещенские морозы. Протяженность пройденного ею пути составила 2500 верст. Обследование проходило в три этапа.

Первый этап, в 678 верст, начался с хутора Исаева, станицы Ермаковской, откуда через станицу Екатерининскую экспедиция спустилась по Донцу до станицы Кочетовской, повернула вверх по Дону и, переправившись в станице Богоявленской на левый берег, из хутора Холодного, станицы Мариинской, отклонилась в сторону от Дона верст на 50 в задонские степи, к калмы-

кам, чтобы ознакомиться с песнями калмыцкого народа. В станице Денисовской, Сальского округа, удалось записать 17 калмыцких песен. На обратном пути, миновав станицы Романовскую и Каргальскую, экспедиция перебралась на правый берег и через станицы Кумшацкую и Цимлянскую проследовала до станицы Нижне-Курмоярской, очень удачного песенного пункта, где за три дня усиленной работы было записано 43 песни. В скором времени экспедиция достигла станицы Нижне-Чирской. Затем, пройдя небольшое расстояние, сделала перерыв для приведения в порядок собранного материала.

Второй этап, в 720 верст, начался с Донецкого округа. От станицы Усть-Белокалитвенской, поднявшись вверх по Донцу до Митякинской, экспедиция пересекла крестьянские поселения и через хутор Мешков добралась до станицы Казанской, откуда левым берегом спустилась вниз до впадения Хопра в Дон. Исследования Хоперского округа проходили от станицы Букановской до станицы Михайловской включительно. Отсюда, через станицу Урюпинскую и хутор Долговский, экспедиция переехала на Бузулук, исследовав его весь от Дурновской до Преображенской, и, перерезав войсковые участки, проследовала на Медведицу и по ее течению достигла станицы Усть-Медведицкой (30 апреля 1903 г.). Второй этап завершился в станице Усть-Хоперской. Таким образом, обследованию подвергся район от устья Хопра до устья Медведицы.

Третий этап, в 750 верст, экспедиция начала от станицы Усть-Медведицкой, откуда она спустилась вниз по Дону до станицы Верхне-Чирской. На этот раз были посещены пропущенные в ноябре 1902 года станицы Романовская и Кар-



гальская, а также станицы I Донского и Черкасского округов, лежащие на пути по берегам Дона, и 8 июня 1903 года в станице Старочеркасской завершила свою работу.

Отправляясь в экспедицию, А. М. Листопадов имел на руках уже более 400 песен, записанных им ранее, главным образом в станице Екатерининской. Чтобы не тратить время на повторение уже известного, так как командировка была ограничена определенным сроком, работа началась с отпроса песенников, какие песни они поют и какие играли их деды и отцы. Песенники, как травило, называли песни недалекого прошлого — первой половины XIX века — и новые, маршевые, которые певали на военной службе. Приходилось объяснять, что экспедицию интересуют песни старые, «свои казачьи», «те, что игрались когда-то на походах». Тогда песенники начинали вспоминать, перебирая в памяти те песни, которые, как они выражались, «ноне уже брошены». Песенникам охотно помогали восстанавливать «забытый репертуар» зрители, которые всегда близко к сердцу принимали и исполнительское мастерство своих станичников, и умение отыскать редкую, малоизвестную песню, которую в массе своей казаки не знали, и она была «привилегией», «достоянием» одиночек, чаще всего глубоких стариков. А порой и сами старики отыскивали еще более древнего, чем они сами, казака и просили его выручить, чтобы не ударить в грязь лицом перед другими станицами.

«В таких случаях ему, много лет уже не слезавшему с печи, говорилось:

— Они, вишь, весь Дон проехали, отобрали песни у стариков да тады к нам завернули...

Все наши песни им переиграны... Ищи ты, Афанасьич. Самую какую ни на есть дедовскую выворачивай... мамынских времен шток.

— Да я и не знаю уж, — принимал близко к сердцу огорчение одностаничников Афанасьич. — Вот ету... «рядутачку» говорили?

— Говорили.

— «Рядутачку» с самого с исперва говорили... есть!

— «По морю было Верейскому»?

— Есть.

— Про Садка есть?

— Есть и про Садка... Кундрючане перехватили.

— А «Как Москва загоралась»?

— Есть.

— «От трех генералушкав»? — уже с недоверием называл песенник.

Чтобы рассеять его сомнения, приходилось цитировать ему текст песни.

— А про Илюнюшку есть? — спрашивал Афанасьич. — «Как стучит-гремит ключами Илюнюшка, крестьянский сын»?

— Нету, дедушка, такой... не играли еще нигде.

— Во! — радовались песенники. Ишо одна!.. Думай, Афанасьич, думай, шарь! Накидывай по дедам — какой какуя любил..

— Да я и то уж по покойникам перебираю, — задумывался опять Афанасьич.

Так при помощи Афанасьича, Лифантьевны, других стариков удавалось найти редкие песни, запись которых была основным делом экспедиции».

Наметив песни, которые следовало записать, начиналась, собственно, работа. Вначале песня

записывалась в исполнении трех-четырех лучших песенников, а затем ее вновь проигрывали в полном составе хора. Это давало возможность, во-первых, проверить записи, а во-вторых, занести в них новые подголоски и вариации напева, которых не слышно было в первом исполнении. Кроме текста и напева, записывалось также назначение песни, иногда объяснение песенника к ней, брались на заметку исполнители, запева-ла и попутно заносились на бумагу своеобразные песенные термины, отмечающие характер песни.

«Прекрасным пособием, а в некоторых случаях даже единственно возможным для нас средством музыкальной записи, — вспоминал А. М. Листопадков, — служил фонограф... Не будь под руками фонографа, много очень хороших песен было бы потеряно для нас».

При записи песен строго соблюдалось необходимое условие, заключающееся в том, чтобы избежать какой-либо официальности. В подавляющем большинстве случаев удавалось создать обстановку чисто частного «гулянья» «компаний», «беседы», а песенники чувствовали себя гостями собирателей, между ними устанавливались дружеские отношения доверия, сотрудничества. Песенники проявляли заинтересованность результатами работы, прилагали немало усилий, чтобы дело было сделано «по всей форме уж». Поэтому они внимательно и вдумчиво относились не только к выбору репертуара, но и к его исполнению, стараясь изо всех сил показать свое умение и мастерство, чтобы песня, записанная от них, была представлена в лучшем виде.

«— Погоди не пиши, — просил иной раз пе-

сенник после первого «завода» песни, — я ее че-  
вой-то будто не так зачал.

— Да я не пишу еще, — отозвался Александр Михайлович.

— То-то... Погоди наведу... тада скажу, когда писать...

Случалось и так, что уже в середине песни кто-либо из песенников или слушателей оставивал ее плавное течение замечанием:

— Чевой-та вы, старики, ету колена будта из другой песни приставили?..

— Какуя?

— Да вот ету, третью... Как-тошь не похожа она... как будто из «Службицы».

— И то ведь!.. — соглашались песенники.

Начинался подробный разбор, споры. В результате песня восстанавливалась в ее первоначальном виде.

— Я слушаю, слушаю, — говорил тот, кто подметил ошибку, — не так будта. Ету песню мене дедушка-покойник выучил, я ее тверда знаю... Непохожа будта...

— Да песня редкая... чево мудренова ошибиться?»

В ходе экспедиции А. М. Листопадовым было сделано очень много крайне ценных наблюдений, которые в дальнейшем немало способствовали более плодотворной его работе. Вновь подтвердилось подмеченное им еще ранее явление: лучшие песни в смысле полноты, строгого следования мелодии, оригинальности подголосков были записаны от песенников сыгравшихся — родственников, соседей, однополчан, друзей, гулявших в одних и тех же компаниях, людей, хорошо знавших друг друга, привыкших друг к другу и накопивших немалый опыт совмест-

ного исполнения. В качестве примера такой сыгранности можно привести братьев Каклюгиных — Михаила Дмитриевича и Петра Дмитриевича из станицы Нижне-Кундрюченской, с которыми собиратели проработали целый день. Играя песни, они держали друг друга за руки. Они, имея небольшую разницу в годах, вместе учились песням от старших, вместе бегали «на улицу», на посиделки, на вечеринки, служили в одном полку, а после «в компаниях вместе гуливали». Вполне понятно, что у них выработалось такое взаимное понимание намерений, что они по еле уловимому жесту, незначительному повороту головы, на лету схватывали желание придать песне тот или иной оттенок.

Подмечено также было, что песенники, независимо от обширности своего репертуара, имеют песни любимые, к которым более всего душа лежит. В исполнение этих песен они вкладывают все свое умение, старание, искусство, стремятся ее отделать так, чтобы брало за живое.

Немало песенников прямо заявляли:

— Моя любимая самая!

И еще лишний раз убедился А. М. Листопадов, что подлинными хранителями, знатоками и любителями казачьих песен являются люди старшего поколения, старики, перенявшие их от своих дедов и прадедов. Не пренебрегая хорошими песенниками из числа молодежи, экспедиция имела дело главным образом с людьми пожилыми, обладающими лучшим песенным репертуаром. Правда, молодежи нельзя отказать в сочувствии и внимании к старинным песням, как замечал А. М. Листопадов, но она с интересом слушает их от стариков, а сама поет сравнительно мало.

«В долгие зимние и осенние вечера, — вспоминал А. М. Листопадов, — свободная от тяжелых полевых работ, сходится в курень, по окончании разных хозяйственных хлопот, на зов деду вся семья, и тут открывается своеобразная песенная школа, где учитель — седой как лунь старик — после рассказов о своих былых военных походах и подвигах затягивает «старинушку» и ведет, ведет ее долгим, за душу хватаящим мотивом. Внимательно вслушивается молодежь в дедовскую песню, схватывает быстро родной напев нераздельно со словами и начинает подтягивать. И дед еще более увлекается, видя, что молодое поколение с сочувствием слушает его старческое пение о былых, далеких временах: о князе Володимире, Добрынюшке, о любимых героях — Ермаке Тимофеевиче, молодом охотнике Краснощекове, опальном атаманушке С. Д. Ефремове, о славных схватках с «турчином или злым черкесином»... Заплачет дед, как будто сам он был там, где «бились-рубилась день до вечера» предки его; кончит песню, и начинается повествование, уясняющее подробности, непонятные внукам».

Один из седобородых песенников сокрушался, что старые протяжные песни поют все меньше. А другой такой же древний старик вторил ему: «Нонче-то ведь все мелочью забавляются. Не песня, а ветер!»

## ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Если ранее, в течение 10 лет делая свои записи главным образом в родной станице Екатеринославской и хуторе Насонтове, А. М. Листопа-

дов имел уже определенное мнение об отношении казаков к певческому творчеству, то теперь, объездив с экспедицией почти весь Дон, он увидел и убедился, что дружба казачества со старинной песней имеет особое значение и играет немаловажную роль в его жизни. Еще П. В. Киреевский, известный собиратель и знаток песенного наследия русского народа, отмечал, что время царствования Петра I было границей создания настоящих народных исторических песен и что после Петра I они «продолжали возникать только среди волжского и донского казачества». Упомянувшийся уже прежде Н. М. Лопатин в предисловии к сборнику русских народных песен также говорит, что «донские казаки поют гораздо более старинных песен и в лучших вариантах»... «Народом в высшей степени певучим» называл донских казаков и собиратель казачьих песен А. Савельев. И это действительно так. О любви казаков к песне не раз говорил и А. М. Листопадов, да и вся его многолетняя собирательская деятельность — красноречивое тому подтверждение.

Казак любит петь. Песня входит в его жизнь с младенчества и неотступно следует за ним до глубокой старости. Ни один сколько-нибудь приметный случай в жизни личной, семейной или общественной — гулянья, посиделки, вечеринки, хороводы, семейные торжества, проводы казаков на службу, на учение, возвращение служивых, дележ лугов, раздел земли, выборы, наконец, просто приятельская беседа на досуге двух-трех друзей не обходятся без песен. А. М. Листопадов вспоминал, как живущие среди казаков иногородние иногда посмеиваются: «Гаврилычи-то наши соберутся на ярманке, купят косушку и

сидят над ней целую ночь, гуляют!.. Заведут бесконечную до самого утра — и косушка цела, и допьяна наиграются!»

Любовь казака к песне зародилась в далекие времена и стала традиционной. «Историческая жизнь первых казаков-общинников, — писал А. М. Листопадов, — их близкое участие в интересах общественной жизни своего времени, сухопутные и морские набеги рука об руку для «добычи зипунов», затем долгие многомесячные походы в «чужедалные сторонюшки», от киргизских степей до Парижа и от персидских и турецких земель чуть не до берегов Ледовитого океана, наконец, даже теперешняя военная служба, лагерные сборы и частые домашние смотры — все это, способствуя братски-товарищескому сближению односумов, однокашников, вызывало и вызывает всегда потребность в песне, как лучшем средстве, заставляющем забывать трудности боевой жизни, утомительность тяжелых переходов, разгоняющем их скуку и однообразие. Давно ли было то время, когда при отсутствии удобных путей сообщения казак добрую половину своей долгой службы совершал переходы на своем добром коне, верном товарище боевой жизни». И далее: «И правда, бывшее тяжелое время могло вырабатывать «дорогих» песенников, тем более что было у кого поучиться. Нужно было принять во внимание, что на Дону долгое время команды, отряды, полки формировались постанично, так что в одном и том же полку можно было встретить отца с сыновьями и племянниками, родных братьев, деда с внуком... Естественно, что за те долгие походы и совместную службу песенный репертуар стари-



ков передавался из уст в уста сыновьям, внукам и их сверстникам-сослуживцам».

Поскольку песня в жизни казака играет столь большую роль, каждый шаг его от колыбели до могилы обставлен определенным песенным и обрядовым ритуалом. Велико значение и песенников, тех, кто хранит в своей памяти созданные народом жемчужины поэтического творчества и с душевной теплотой, высокой мерой искусства исполняет их. И хотя песни поют все казаки, но титул «песенника» присваивается только тем, кто достиг в искусстве исполнения особых высот, кто своим умением и мастерством выделяется из остальной массы. Песенники пользуются особым уважением и почетом, за ними ухаживают, их боготворят. Порой их известность распространяется далеко за пределы станции или хутора.

Надо сказать, что в силу исторически сложившихся условий, женщины-казачки еще сильнее мужчин держатся песенных преданий и обрядов, но в роли самостоятельных исполнительниц выступают в определенные моменты, играя так называемые «бабьи» песни, хотя превосходно знают весь казачий песенный репертуар и являются хорошими помощницами, подголосками-песенников-казаков. Вот что пишет по этому поводу А. М. Листопадов:

«В отсутствие мужа все хозяйственные и семейные заботы ложились на жену: она должна была поить и кормить малолетних детей, выдать дочь замуж, женить сына, справиться и проводить его на службу дальнюю, туда же к отцу и деду, и т. д. А так как почти каждый обряд сопровождался песней, как бы иллюстрировался ею, то неудивительно, что она компетентна не

только в своей бабьей песне, но знает не меньше и казачьих. Она «расскажет» вам и богатырскую, или мамайскую, давнишнюю песню (былину) и голосовую, прадедовскую, или глубокую (общие названия для исторических, протяжных, военных и бытовых), сыграет после любую свадебную, карагодную, веснянку-люлейку (от люли), частую, или протяжную, компаньшную и краснобаишную, г. е. собственно женские песни».

Запись песен от женщин по разным причинам вызывала трудности. В станице Нижне-Кундрюченской, например, пришлось долго биться над тем, чтобы казачки исполнили старые женские песни. Когда речь зашла о свадебных песнях, казачки оживились:

— Свадьбишнаи?.. Целую кучу вам наиграем... До завтра хватит.

Был исполнен весь цикл свадебных песен. Напевы и тексты песен совпадали с записанными А. М. Листопадовым ранее, по преимуществу в хуторе Насонтове. Только несколько песен оказались незнакомыми или представляли интересные варианты. Зато причитания — голошения, как говорят казачки, вышли богаче, разнообразнее, уж больно талантливой оказалась исполнительница.

Уговорить женщин голосить было нелегко. Они отказывались, ссылаясь на тяжелые моральные переживания. Ведь голошение будило воспоминания о переходе от «вольной девичьей волюшки» к зависимому существованию «в чужих людях».

«— Нет... расстрвожишь только себе...

Но все же одна из песенниц сдалась на уговоры:

— Ну, так и быть уж! Проголошу еще раз... помяну свою волюшку... Чур, только не глядеть на меня, — поставила она условие.

Горькая жалоба была вложена в однообразный речитатив. В глазах песенницы стояли слезы. Не выдержав, она оборвала песню на середине:

— Нет, не могу... Погодите, заплачусь, — смущенно улыбалась она, вытирая фартуком заплаканные глаза».

Собранные экспедицией песни представляют особый интерес с музыкальной стороны. Ведь сколько-нибудь сносных музыкальных записей казачьих песен до того времени не было. Собственно, А. М. Листопадовым впервые была проделана эта работа, причем со всей тщательностью и добросовестностью. Материалы экспедиции дали ему возможность проверить свои прежние наблюдения и над конструкцией напевов казачьих песен, и над их исполнением казаками. В конструкции напевов и их исполнении есть особенности, отличающие народную казачью музыку. Эти особенности, как подметил А. М. Листопадов, свойственны в большинстве случаев и русской народной песне, «отраслью которой является донская песня».

Заводит песню лучший в хоре песенник — запевала. Причем свой запев, как отмечал А. М. Листопадов, иногда начинает особым, характерным для каждого запевалы наигрышем, как бы давая этими наигрышами упражнение голосу, — «наломаешь голос, он и катится». Наигрышами, представляющими собою короткие музыкальные фразы, состоящие из довольно иногда затейливых мелодических фигурок, запевала пользуется часто в тех случаях, когда не

может сразу подыскать из своего репертуара песню, какую хотелось бы заиграть.

Ни одна из протяжных песен не начинается без запева. В песнях наиболее ритмичных запева не употребляют, хотя и здесь начинается песню один голос запевалы хора, который, как подметил А. М. Листопадов, дает своим началом тон и указывает темп. Собиратель отмечал также, что песню ведет всегда запевала или заводчик — дирижер хора; за ним уже держатся остальные песенники. Он «говорит», «доказывает» песню с начала до самого конца, подбадривая своих товарищей «дружнее держать на голос», а подголосников «брать на подголоски» и «выводить».

Какой-либо разницы во внешних способах исполнения песенников из различных станиц не наблюдалось. Деления голосов на партии в народном хоре нет. Выделяется только подголосок, остальные же голоса, как писал А. М. Листопадов, «переплетаясь свободно, вращаются в пределах звукоряда песни, так что, например, голосу с бабьим характером по требованию мелодии приходится иногда подниматься в высокие теноровые ноты, и прodelывается это им без особенного напряжения».

А. М. Листопадов прослушал более тысячи песенников и песенниц. Лучшие знатоки и выдающиеся исполнители старинных казачьих песен, а их оказалось 147 человек (110 мужчин и 37 женщин), по представлению экспедиции были отмечены и получили от войскового начальства именные почетные свидетельства.

Почти за девятимесячную командировку (по разным причинам два месяца для работы пропали, по независимым от собирателей обстоя-

тельствам, и поэтому, собственно, только семь месяцев было использовано для дела) экспедиция записала, как уже говорилось, 720 песен. Если учесть, что в лучших сборниках, выходявших ранее, было опубликовано в одном 135 песен (А. Савельев, 1866 г.) и в другом 343 песни (А. Пивоваров, 1885 г.), то станет ясно, что работа проделана колоссальная. Нельзя забывать и того, что названные сборники к тому же были безнадежными, а А. М. Листопадов записал напевы всех прослушанных песен. Если к этому мы вспомним, что, отправляясь в экспедицию, А. М. Листопадов имел на руках уже записанные им в предыдущее время 400 песен, то теперь он стал обладателем, прямо скажем, уникального собрания казачьих песен в количестве 1100 самостоятельных напевов почти на такое же количество самостоятельных текстов. Главными по численности из этого богатейшего фольклорного материала являются бытовые — домашние песни; за ними идут песни обрядовые и праздничные, которых насчитывается около 350. Более 200 песен относится к разделу исторических, военно-исторических, военно-бытовых. Былинный эпос представлен более чем 40 былинами.

Однако нельзя обойти молчанием следующее обстоятельство. Листопадов и Арефин строго соблюдали все требования статистического комитета и в выполнении своих обязательств были исключительно точны. Статистический же комитет, так горячо и ревностно напутствовавший собирателей и приложивший вначале немало усилий для успешного проведения песенной экспедиции, не все сделал для нормальной работы,

не сумел создать фольклористам необходимых условий, особенно в своевременном обеспечении денежным довольствием.

Во время командировки статистический комитет направлял собирателям письма, в которых напоминал о принятых ими на себя обязательствах, ставил дополнительные задачи, в то же время на письма фольклористов, в которых поднимались насущные вопросы, связанные с их работой, не реагировал или откликнулся с большим опозданием, причем чаще всего отклики эти носили отрицательный характер.

Хотя Листопадов присутствовал на собрании статистического комитета 2 октября 1902 года, на котором был решен вопрос о песенной экспедиции, тем не менее на второй день с начала работы экспедиции, 19 октября, статистический комитет счел уместным направить Листопадову копию протокола общего собрания и еще раз обратить внимание собирателя на необходимость выполнения шестого пункта постановления общего собрания, в котором ему предписывалось «сообщать о ходе работ по собиранию донских песен, а по окончании командировки весь материал... передать в собственность комитета».

Известно, что, договариваясь о поездке по Дону для собирания казачьих песен, Листопадов охотно согласился одновременно заняться и собиранием исторических сказаний о подвигах казаков. И все же статистический комитет своим письмом от 8 марта 1903 года решил напомнить и об этом. И это в то время, когда Листопадов, находясь в командировке, очень напряженной и нелегкой, немало делал, так сказать, сверх программы, в том числе выявлял экспонаты для

создающегося в Новочеркасске музея, о чем общал в специальных письмах.

Начав поездку, как было условлено, 18 октября, уже 30 октября собиратели направили из станицы Верхне-Кундрюченской в статистический комитет письмо, в котором сообщали, что «работы экспедиции идут успешно». Далее следовал краткий отчет о проделанном:

«До сего времени мы посетили 6 песенных пунктов:

1. Хутор Исаев, Ермаковской станицы.
2. Хутор Нижне-Серебряков, Екатерининской станицы.
3. Хутор Кременской, станицы Усть-Быстрянской.
4. Ст. Усть-Быстрянскую.
5. Ст. Нижне-Кундрюченскую.
6. Ст. Верхне-Кундрюченскую.

Записано в этих местах 34 песни, в числе которых есть несколько замечательных былин. Большинство песен относится к разряду исторических и военных. Несколько песен записано нами на валики фонографа довольно удачно.

В указанных 6 пунктах нам пришлось слышать очень многих песенников и песенниц. Из числа их особенного поощрения заслуживают следующие певцы:

1. Гончаров Антон Евстигнеевич, 45 л., казак х. Исаева, Ермаковской ст.

2. Мартынов Федор Максимович, 79 л., урядник х. Кременского, Усть-Быстрянской ст.

3. Терновсков Илья Васильевич, 66 л., урядник Усть-Быстрянской ст.

4. Арехов Поликарп Кириллович, 63 л., урядник х. Базков, той же станицы.

5. Каклюгин Михаил Дмитриевич, 51 г., урядник Нижне-Кундрюченской ст.

6. Каклюгин Петр Дмитриевич, 49 л., казак той же станицы».

Ссылаясь на постановление комитета от 2 октября, собиратели ходатайствовали о выдаче указанным лицам одобрительных свидетельств за сохранение старинных образцов казачьего песенного творчества. Из названных песенников, писали они, «особенно выдаются Мартынов и Гончаров: первый как хранитель исторических казачьих песен и былин, давший их нам больше всех остальных, а второй еще и как прекрасный исполнитель их».

Листопадов и Арефин уведомляли комитет о том, что отпущенные им деньги израсходованы полностью — на экипировку, суточное содержание, угощение песенников при посещении четырех населенных пунктов, на приобретение фонографа и на другие нужды.

Не прошло и месяца, как собиратели послали в статистический комитет из станицы Верхне-Курмоярской очередной отчет о проделанной работе. В письме от 29 ноября они сообщали, что посетили 13 песенных пунктов — станицу Кочетовскую, хутор Апаринский, той же станицы, станицу Богоявленскую, хутор Титов, той же станицы, хутора Большой и Холодный, Мариинской станицы, станицы Денисовскую, Кумшацкую, Цимлянскую, Филипповскую, Нижне-Курмоярскую, Нагаевскую и Верхне-Курмоярскую. В этих пунктах, извещалось в письме, было записано 78 песен. И вновь собиратели просят выслать свидетельства лицам, достойным поощрения, как лучшим песенникам, приведя список из 20 человек.



Следующее письмо, составленное в Новочеркасске, датировано 30 декабря. В нем члены Донской песенной экспедиции Листопадов и Арефин извещают статистический комитет о посещении еще семи песенных пунктов — станицы Есауловской, хуторов Тормасина и Любимова, той же станицы, станицы Кобылянской, хутора Верхне-Солоновского, той же станицы, хутора Обливского, Чернышевской станицы, хутора Крылова, Ермаковской станицы, где ими было записано 50 песен. Кроме того, одновременно восстановлено или проверено 62 мотива и текста песен, которые были ими намечены раньше в разных пунктах, но не попали своевременно в сообщения, так как не внушали доверия к целостности мотива или текста и требовали еще строгой проверки в других песенных пунктах. «Таким образом, — сообщалось в письме, — всего нами записано пока в 26 песенных пунктах 224 песни». В конце извещения приводятся фамилии девяти лучших песенников последних семи пунктов, достойных поощрения.

И так на протяжении всего срока песенной экспедиции, систематически, аккуратнейшим образом статистический комитет получал отчеты от собирателей. В письмах также говорилось и о том, что выданные средства израсходованы, что комитет не торопится с высылкой денег.

Надо сказать, что, выдав собирателям одновременно небольшую сумму, комитет на этом успокоился, и мало его тревожили неоднократные наплевистания собирателей об отсутствии средств для дальнейшего продолжения работы. Они были, по существу, посажены на голодный паек, порой оказывались в отчаянном по-

ложении, оставаясь буквально без копейки денег.

15 ноября 1902 года обстоятельства вынудили их отправить в Новочеркасск в статистический комитет на имя Ивана Петровича Попова телеграмму с оплаченным ответом: «Высланы ли деньги Арефину Листопадову куда когда если нет высылайте телеграфу Цимлянская въезжая Арефину».

16 ноября пришел ответ: «Ускорить высылку трудно доклад сделаю восемнадцатого Попов».

Однако, не получив 18 ноября, после доклада, сообщения о принятом решении, 19 ноября собиратели, находившиеся в исключительно трудных материальных условиях, вновь шлют в статистический комитет телеграмму: «Высылайте скорее...». И в ответ приходит совсем неутешительная телеграмма: «... Просьбу доложил. Высылкой отказано до разрешения ходатайства Попов».

И еще долгое время собиратели оставались без денег. В феврале 1903 года Арефину пришлось выехать в Новочеркасск и подать в статистический комитет прошение о выдаче денег «из ассигнованных для собирания песенного материала сумм две тысячи рублей», следующие... за 6 месяцев, считая с 2 октября 1902 года и по 2 апреля сего года. При сем прилагаю доверенность на получение мною денег со стороны Александра Михайловича Листопадова».

Получив это прошение, статистический комитет только через неделю обратился с письмом в областное правление, в котором войсковой наказной атаман предлагал «открыть в распоряжение помощника председателя комитета генерал-лейтенанта Грекова кредит из общего вой-

скового капитала по Новочеркасскому казначейству в сумме трех тысяч руб., согласно положению Военного совета от 9 января 1903 года».

Почти полгода, т. е. две трети срока командировки, собиратели трудились, не получая положенного вознаграждения, находясь в исключительно стесненном материальном положении. И даже закончив работу, они так и не получили полностью причитающихся им денег.

Только 17 марта 1904 года собрание статистического комитета вновь вернулось к рассмотрению этого вопроса. В протоколе собрания записано: «Принимая во внимание, что А. М. Листопадов и С. Я. Арефин выполнили возложенное на них поручение по собиранию донских песен и представили как нотные, так и текстовые записи, общее собрание членов комитета постановило:

- 1) выдать Листопадову и Арефину недополученную ими сумму, по двести рублей каждому;

- 2) собранные песни хранить в Донском музее;

- 3) для выработки соображений об издании донских песен избрать особую комиссию под председательством генерал-майора В. М. Лютенского и членов Х. И. Попова, И. П. Попова и Л. В. Богаевского...»

Как видно из рассказанного, нелегко приходилось фольклористам. Но невзгоды и трудности преодолевались страстной любовью к делу, глубоким пониманием его важности.

Результаты, полученные экспедицией, превзошли все ожидания. Накоплен был ценнейший материал. Теперь вставал вопрос, как лучше распорядиться им.

## ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Прежде всего надо было привести в порядок накопленный материал, систематизировать его. На это ушло немало времени. Непростым делом оказалась и подготовка записей к печати. Ни на день не прекращалось осмысление всего увиденного, услышанного и записанного. Главное внимание А. М. Листопадов уделял музыкальной стороне дела, потому что в изучении казачьих песен она была, как известно, белым пятном.

В процессе работы А. М. Листопадов особенно остро понял, что сделать правильные выводы из наблюдений, верные обобщения ему мешает недостаточная теоретическая подготовка. Возникавшие перед ним задачи, дело, которому он так ревностно и преданно служил, настойчиво требовали значительного расширения общего научного кругозора и специальных музыкально-теоретических знаний.

Передав собранный в экспедиции материал Донскому областному статистическому комитету, который наметил его издать отдельными выпусками, А. М. Листопадов в 1903 году поступает в Московскую консерваторию, а затем одновременно начинает учиться и на филологическом факультете Московского университета. Это были годы напряженной учебы, приобщения к общественной и политической жизни, активного участия в работе музыкально-этнографической комиссии. Однако в эти годы он не прекращал свою собирательскую деятельность.

Надо сказать, что Московская консерватория того времени, раскрывая перед А. М. Листопадковым все богатство мировой музыкальной культуры, ничего не могла дать ему в области

народной музыки. И хотя мысль о том, что музыкальное образование должно строиться на основе изучения народной музыки, не раз высказывалась передовыми русскими музыкантами, высказывания эти оставались только благими пожеланиями.

На торжественном открытии Московской консерватории 1 сентября 1866 года известный музыкальный деятель В. Ф. Одоевский прямо указывал на необходимость преподавания русской народной музыки как специального предмета. В своей речи он говорил: «Будем надеяться, что со временем Московская консерватория не оставит без художественно-исторической обработки и наших народных мирских напевов, рассеянных по всему пространству великой Руси. Доныне эта обработка еще невозможна: у нас нет еще собрания верно записанных наших народных напевов, со всеми их местными вариантами и оттенками... Воспитанники консерватории, — продолжал Одоевский, — получив полное музыкальное образование, будут и по сему предмету важными способниками музыкального искусства: некогда их трудами соберутся с разных концов России наши подлинные народные напевы, и науке представится возможным бессознательное доныне ощущение перевести на технический язык, определить те внутренние законы, которыми движется наше народное пение».

Горячим поборником преподавания в консерватории народной музыки выступал и С. И. Танеев. Но дело, к сожалению, не двигалось с мертвой точки, так как среди немалого числа людей, занимающих высокое официальное положение в музыкальном мире, господствовал неправильный взгляд на народную музыку.

«... Консерватория, начиная всякими теоретическими знаниями и навыками, — писал А. М. Листопадов в своих «Автобиографических заметках», — ничего не могла дать в смысле постижения законов народной полифонии. Наоборот, как это ни кажется странным, всю эту консерваторскую науку нужно было отбрасывать, садясь за работу над подлинно народными песнями». И далее: «Решение гармонических и контрапунктических задач плохо увязывалось с народной музыкой и ее особенностями, не подчиняющимися консерваторской теории. Узаконенная гармония с терцией в основе не согласовывалась с гетерофоническим голосоведением казачьей песни».

Очень характерно для А. М. Листопадова, с такой тщательностью и бережностью записывающего народные песни с сохранением всех еле уловимых нюансов, его высказывание о том, что «нужно было идти за народным голосоведением, бережно сохраняя все его своеобразие, а не вести его, следуя консерваторской указке, и в этом деле всякий новый выезд в не исследованные еще места, всякая новая командировка, в целях доработки, перезаписи или проверки прежней только укрепляли или подтверждали известную истину, что учиться у народа никогда не поздно, что без непосредственного соприкосновения с жизнью казака и его песней не сумеешь удержаться от композиторских соблазнов».

Вот почему А. М. Листопадов так горячо откликнулся на идею создания в Москве народной консерватории и принял в ее деятельности живое участие, когда через несколько лет, в 1906 году, по инициативе Е. Э. Линевой и дру-

гих энтузиастов при Московском обществе народных университетов была учреждена первая в России народная консерватория, в которой русская народная песня изучалась как специальный предмет.

А. М. Листопадовым владела неистребимая потребность все время быть в гуще народа, жить его жизнью, находиться среди песенников-казаков. Наряду с новыми записями, возникла необходимость и перепроверки, уточнения сделанных ранее. Тщательный анализ материалов, накопленных во время первой песенной экспедиции 1902—1903 годов, показал, что некоторые из них некачественны. Такие неудовлетворительные записи были сделаны в самом начале экспедиции, когда еще, как вспоминал собиратель, давала себя чувствовать неприноровленность к условиям работы, когда еще не выработалась практикою необходимая сноровка. В ряде населенных пунктов, где репертуар был обширным, по недостатку времени не все представляющие интерес песни были записаны. И уже тогда А. М. Листопадов решил вернуться в эти места, когда представится случай.

Не давала покоя и мысль об опубликовании собранного материала. Специальная комиссия по изданию донских песен уже не раз собиралась, судила и рядила, в каком виде представить песни, но, к сожалению, она пошла не по тому пути, который был намечен Листопадовым. Правда, еще в апреле 1904 года Ив. П. Попов послал Листопадову в Москву письмо с просьбой изложить свою точку зрения на издание песен, определить стоимость обработки материала и подготовки его к изданию, навести справки о стоимости издания.

Но сделать это А. М. Листопадов тогда не смог, так как был чрезвычайно занят, к тому же собирался вскоре быть в Новочеркасске и доложить комиссии свои соображения лично. Выяснить стоимость издания, не имея на руках материала, оказалось невозможным, хотя он и обращался к некоторым нотно-издательским фирмам.

Приехать в Новочеркасск Листопадову удалось летом. Он был приглашен на заседание комиссии, которое состоялось 8 июня. Здесь-то он и узнал, как неправильно поступила комиссия по изданию песен, решив начать с частичного издания популярного сборника (хрестоматии), в который предполагалось включить немногим более сотни избранных песен. Таким образом, основная часть собранного материала оставалась за бортом. Через два дня, 10 июня, вновь собралась комиссия. После выступления председателя В. М. Лютенскова, доложившего вкратце о результатах нескольких заседаний комиссии, слово было предоставлено А. М. Листопадову.

Листопадов сообщил, что 1 мая делал в Москве на заседании музыкально-этнографической комиссии доклад о собирании им на Дону народных казачьих песен за 11 лет — с 1892 по 1903 год. После рассмотрения части имеющегося на руках материала, а также прослушивания некоторого количества песен с фонографа, музыкально-этнографическая комиссия пришла к убеждению, что песни донских казаков, «будучи по существу великорусскими, имеют, однако, существенные от них отличия как по характеру мелодии, так и по самой манере их исполнения, а потому, ввиду большой их научной ценности,



они заслуживают серьезного внимания и основательной научной разработки».

Далее Листопадов высказал членам комиссии по изданию песен свое решительное несогласие с их планом, который оказался противоположным намеченному им, получившим одобрение в уже упоминавшемся отзыве Московского этнографического отдела, признавшего с научной точки зрения естественным и вполне целесообразным выработанный Листопадовым взгляд на тип издания, по которому собранный материал должен быть издан весь и непременно научным способом как в музыкальном, так и в текстуальном отношении: мотивы и тексты должны быть в том чистом виде, как они были записаны.

«Мотивы должны быть свободны от всякой художественной обработки, аккомпанеента, изменений в мелодии и в сопровождающих голосах, — говорил Листопадов. — Равным образом в текстах необходимо сохранить полную неприкосновенность, отнюдь не допуская ни сводок, ни каких-либо изменений. Изданный таким образом материал имел бы для науки тем большую ценность, что и самый способ собирания признан был также отвечающим всем требованиям науки. Для практического же применения в школах, войсках можно было бы впоследствии (по мере нужды) приступить к изданию лучших песен в художественной обработке».

Листопадов сумел убедить членов комиссии в своей правоте. И после детального обсуждения противоположных взглядов, учитывая, что делу был дан уже ход, нашлось компромиссное решение, которое, насколько возможно, примирило оба мнения.

В докладе Листопадова отмечалось, что, признавая в принципе важность для науки и естественность научного способа издания, но вполне справедливо полагая, что удовлетворение одной из насущных духовных потребностей народа при этом условии отодвинулось бы на неопределенное время, заседание постановило тем не менее приступить не к частичному изданию небольшого сборника, а к изданию всего материала, но с разделением его на несколько отдельных выпусков.

«Каждый выпуск, — говорил Листопадов, — по тому способу обработки, который должен быть применен к песням, представит собою как бы самостоятельное издание, так как в него войдут песни не из одного только отдела, например песен исторических или бытовых, а из всех. Тут будут и исторические песни, и былины, и бытовые, и свадебные, и веснянки и т. д., словом, песни разного содержания, что очень важно ввиду отсутствия односторонности для всякого, желающего иметь такую книжку в руках.

При условии принципиального согласия комитета на издание всего собранного материала указанным способом я согласен взять на себя обработку, редактирование, наблюдение за печатанием, окончательную корректуру, если, конечно, печатание будет в Москве. В данном случае Московская музыкально-этнографическая комиссия выразила желание (после прочтения мною доклада) прийти мне на помощь своими советами и указаниями, включительно до перепоров с нотно-издательскими фирмами».

Затем Листопадов коснулся вопроса о самой обработке песен. Он подчеркнул, что необходимо просмотреть тексты всех песен, от первого до

последнего слова, обязательно по нотным записям, причем стихи нужно выравнивать так, чтобы можно было без труда подлаживать слова под напев. «Эта работа поэтому должна идти рука об руку с музыкальной обработкой, — говорил он, — не отделяясь от нее никоим образом. Песню обязательно должно пропевать от начала до конца самому, делая вставки, перемещения, одним словом, выравнивая текст там, где его заминали неуверенные или забывшие песню исполнители.

С музыкальной стороны обработка будет заключаться в исправлении ошибок, возникших от неуверенного или сбивчивого исполнения, в расширении напева в тех песнях, которые исполнялись одним певцом, без помощников и подголосника, что случалось очень часто, в подведении подголоска, где его нет, в разделении на такты, метропомизацию и т. д.

Эта работа ответственна и требует от обрабатывающего большого теоретического и практического знакомства с гармоническим и ритмическим складом русской народной песни и трудна в том отношении, что при небольшом сравнительно количестве изданных до сего времени теоретических исследований и песенных сборников с напевами нельзя остановиться ни на одном из них, чтобы использовать его как безупречное руководство для такого рода работы. Одно неправильное тактовое деление, одна лишняя нота, чуждая напеву, может изменить характер всей песни, что как нельзя лучше подтвердилось на практике во время командировки и с чем приходилось мне сталкиваться раньше в самостоятельной работе».

Листопадов сослался на примеры из недав-

ней своей поездки, рассказав о том, что некоторые песенники из станиц Есауловской, Усть-Быстрянской, Ново-Григорьевской и других искажали свои песни введением в них несвойственных им интервалов. Оказалось, что одни из них участвуют в церковных, а другие — в полковых хорах, певших по нотам, откуда все они позаимствовали и вносили в свои напевы западноевропейские ходы. «Особенности эти, — замечал Листопадов, — должны быть сохранены и указаны в примечании к тем песням, в которых они допускались».

Так как наша казачья песня, по существу, не одnogолосна, а одnogолосие получалось от исполнения ее одним песенником и было вследствие этого только случайным, хотя случалось довольно часто, особенно в более старых, забытых большинством песнях, то песни должны быть в этом научно-популярном издании обработаны таким образом, чтобы их можно было исполнить мужским двухголосным и трехголосным хором и детским школьным. Один недостаток такой обработки — это тот, что она неудобна для четырехголосного смешанного хорового исполнения на концертной эстраде. Но совместить все требования и невозможно, да и цель нашего издания последнего не имеет в виду».

Далее Листопадов подробно остановился на финансовой стороне дела, приведя приблизительные расчеты стоимости издания. Для переговоров с издателем, заявлял Листопадов, потребуется весь собранный материал. «При этом, — сказал он, — я просил бы комитет передать мне не копии, а оригиналы, так как снятие копий, особенно с напевов, неизбежно по-

влечет за собою массу описок, а между тем в мсих записях есть такие ускользящие от внимания переписчика подробности, отсутствие которых в копиях может отразиться на правильности обработки».

Листопадовым был также затронут вопрос о популяризации песен. Он высказал мысль о том, что полезно было бы устроить в Новочеркасске и в некоторых окружных станицах публичные чтения с использованием фонографа и волшебного фонаря. Он сообщил, что такой публичный доклад будет сделан им по предложению музыкально-этнографической комиссии в Москве в октябре или ноябре. В Новочеркасске же, говорил он, выступление можно устроить в декабре.

Собиратель предложил также комитету рассмотреть вопрос о включении в издание, наряду с песнями, собранными во время командировки, и тех песен, которые были записаны ранее. Это увеличило бы значение всего издания, которое заключило бы все донские казачьи песни с напевами, сохранившиеся еще в памяти народа.

Выслушав доклад, собрание статистического комитета постановило:

поручить Листопадову составить первый выпуск сборника донских песен, в который должны быть включены песни исторические, бытовые, веснянки и другие в количестве 100—120 номеров;

для разработки мотивов песен передавать Листопадову подлинный песенный материал, хранящийся в Донском музее, предварительно сняв с него копии;

ходатайствовать перед военным министром об ассигновании одной тысячи семисот рублей

на расходы по составлению и изданию первого выпуска сборника песен.

Горячо взявшись за подготовку к изданию первого выпуска сборника казачьих песен, Листопадов не жалел ни времени, ни сил, однако по независящим от него обстоятельствам это дело растянулось на многие годы. Из писем собирателя к В. М. Лютенскову и Х. И. Попову видно, какие мытарства испытывал он все это время. Ему не высылали ни текстов, ни денег. На его письма подолгу не отвечали. В одном из писем к председателю песенной комиссии он прямо пишет, что начатая им работа остановилась, «так как некоторые материальные соображения, к сожалению, почти не дают возможности всецело отдаваться порученному мне делу, заставляя убивать дорогое время на изыскание средств к существованию». И в другом письме: «Относительно денежного вопроса я должен сказать, что ненормальная постановка его повела к потере самого удобного для работы времени...».

Трудно перечислить все, что так или иначе задержало выпуск в свет сборника. Главное, что Листопадов довел дело до конца.

Уже не раз отмечалось, что чем бы Листопадов не был занят, собирательская работа была для него главным делом. Выступая на заседании Донского статистического комитета 10 июня 1904 года, на котором рассматривался вопрос об издании собранного экспедицией песенного материала и на котором Листопадову было поручено подготовить к печати первый выпуск сборника казачьих песен, Александр Михайлович обратился к комитету с просьбой разрешить ему новую поездку в донские станицы и хуто-

ра, чтобы перепроверить прежние записи, в точности которых он сомневался, для записи тех песен, которые по краткосрочности командировки оказались пропущенными, и, наконец, для выявления и записи новых песен, а также для пополнения коллекции этнографических снимков. Листопадов заявил, что поездка будет совершена на собственные средства. Такое разрешение было получено, и летом 1904 года собиратель вновь посещает те места, в которых уже побывал, и те, в которых довелось ему быть впервые. На этот раз он отправился в командировку один и на протяжении всей своей последующей собирательской деятельности проводил работу один, и только в последние годы, когда он был уже тяжелобольным, ему помогала его жена Надежда Ивановна.

Обследование началось с хутора Серебрякова, станицы Екатериинской. К сожалению, намеченных А. М. Листопадовым лучших песенников ему не удалось пригласить для прослушивания и записи, так как началась мобилизация в связи с началом русско-японской войны. Одна из песенниц провожала сына на войну, у другой уходил в армию близкий родственник. Пришлось наспех отыскивать других, и не всегда их исполнение удовлетворяло собирателя. Пробыв здесь неделю, А. М. Листопадов переехал в соседний хутор Насонтов, где главным образом занимался фонографическими записями, оказавшимися довольно удачными.

В этих двух пунктах он записал 10 песен при помощи фонографа и более 20 песен были записаны им на слух. И вновь собирателя поразило удивительное песенное богатство Екатериинской станицы, в которой, как уже отмеча-

лось, еще до первой песенной экспедиции 1902—1903 годов им было записано около 400 совершенно самостоятельных напевов.

В хуторе Насонтове, кроме песен, были записаны подробности свадебного ритуала в пересказе «бывалой свашки, перегулявшей на своем веку на стольких свадьбах, что и счет потеряла» — М. Евлаховой. Еще в 1897 году собиратель записал в этом же хуторе около 200 свадебных песен со всеми обрядами, а теперь, пользуясь представившимся случаем, он решил не ограничиваться только проверкой, уточнением и пополнением, а записал вновь весь свадебный ритуал целиком, в том числе и поверья о колдунах и ведьмах, игравших в былые времена во всех свадьбах важную роль.

Здесь же А. М. Листопадов приобрел у единственного лирника К. Адамова его лиру оригинальной конструкции, которая в 1902 году экспонировалась на выставке XII археологического съезда в Харькове. Другую лиру, принадлежавшую одному из лучших «гудошников» Ивану Осиповичу Позднышеву, доставил из хутора Ясеновского его внук И. А. Позднышев, от которого собиратель записал три мотива со словами, игравшиеся некогда его дедом. Одновременно были записаны несколько песен и от ясеновских песенников. Третью лиру А. М. Листопадов отыскал в станице Усть-Белокалитвенской у В. М. Андриянова.

Следующей станицей, куда отправился А. М. Листопадов, была Калитвенская — главный пункт этой командировки. Здесь намечалось провести повторное прослушивание и запись нескольких свадебных песен, поразивших собирателя в прошлый приезд необычай-



ностью своих интервалов. Но произвести эксперимент, записав на фонографе эти песни от тех же исполнительниц, не удалось. Был разгар летних полевых работ, и, естественно, песенницам было не до этого, и собиратель отложил свое намерение до более благоприятного случая. Аналогичное обстоятельство не дало возможности провести работу в станице Каменской. От этой, последней казачьей станицы, намеченной к обследованию летом 1904 года, путь пролегал через небольшие казачьи хутора в крестьянские поселения донских украинцев.

В хуторе Юрове, куда собиратель заехал на авось, были сделаны прелюбопытные записи. На просьбу отыскать двух-трех пожилых песенниц местное начальство разослало в оба конца хутора вестовых, и через полтора часа один из них, как вспоминал А. М. Листопадов, «привез из дальнего кутка» трех разодетых по-праздничному казачек, в шелковых национальных юлпаках, с «индияновыми» шерстяными шальями на плечах. Об этих песенницах А. М. Листопадов в своем докладе, прочитанном на заседании музыкально-этнографической комиссии 21 января 1905 года, говорил:

«Взятые из одной местности, песенницы оказались отлично сыгравшимися и, главное, знающими те самые песни, которые мне были нужны. Хутор Юров принадлежит к той же Калитвенской станице, отстоит от нее всего на 20 верст и имеет поэтому большинство песен, общих с нею; голосовая манера пения также одинакова: женщины поют альтами, в отличие, напр., от песенниц Екатерининской станицы (расстояние — 50 верст) и станиц, лежащих ниже по Донцу, где преобладают очень высокие

сопрано. Все это, как нельзя лучше, способствовало осуществлению моего намерения.

Записал я здесь в фонограф две свадебные песни и параллельно для сравнения одну протяжную историческую и одну бытовую гулебную. Две песни я записал, кроме того, на слух».

В этом же докладе А. М. Листопадов дал и развернутую характеристику музыкальных особенностей свадебных песен, записанных от юровских песенниц. Забегая вперед, отмечу, что поскольку музыкальная сторона этих свадебных песен необычайно заинтересовала членов музыкально-этнографической комиссии и вызвала живой обмен мнениями, которые были крайне разноречивы, А. М. Листопадову пришлось не раз возвращаться к этому вопросу, которому он посвятил впоследствии опубликованную в 1-м номере журнала «Музыка и жизнь» за 1909 год специальную статью «К вопросу о записи народных песен».

Из хутора Юрова собиратель перебрался в слободу Шарпаевку — первое по пути крестьянское поселение Донецкого округа. Здесь было записано пять песен, одна из которых оказалась любимой казачьей песней «Как шел-то казачонок, шел сы неволюшки», заимствованной певцом от казаков соседних казачьих хуторов. «Записал я, — говорил А. М. Листопадов, — как интересный образец переработки на малороссийский лад и влияния одной народности на другую в песенном отношении». Казачьи песни попадались собирателю и в других поселениях, например в слободе Маньковской он записал очень распространенные среди казачества «Как за речушкою, за Кубанушкою» и «Уж ты, сад». А всего в Маньковской было записано 40 песен,

в числе которых 2 колядки, 1 щедрилка и 1 псалма. 25 песен записано с помощью фонографа, а остальные — на слух.

За лето 1904 года было записано 88 песен — 38 казачьих и 50 украинских.

В том же, 1904 году А. М. Листопадов сделал записи русских народных песен в Москве. Семь песен он записал от приехавшей в Москву на заработки из села Суворова, Мценского уезда, Орловской губернии, 24-летней крестьянки Авдотьи Родионовны Борисовой. Исполненные ею песни оказались очень интересными и ценными. В связи с этим собиратель делает заключение о правильности высказываемого немногими собирателями мнения, что «не на одних окраинах нужно искать чистых, неиспорченных образцов старинного народного творчества, что народ хранит еще их во всей неприкосновенности и в центральных губерниях».

Собиратель обратил внимание на то, что две орловские песни «Подуй, подуй, непогодушка» и «Вы, сады мои, садочки» почти буквально повторяются в его донских записях, сделанных ранее. Размышляя над этим фактом, А. М. Листопадов замечает: «Очевидно, песни эти занесены на Дон в те далекие времена, когда донской край заселялся вольными людьми, выходцами из разных уголков России, где жить было тесно. Для истории колонизации края факт этот, мне думается, не может не иметь значения. С другой стороны, он говорит об удивительной твердости сохранения и преемственности передачи песенных традиций русского народа».

Кроме 7 орловских, в Москве в том же году им было записано и 16 пензенских песен от

уроженцев деревни Будаевой, Краснослободского уезда, Б. В. Кабанова и его сестры.

Всего в 1904 году собирателем было записано 111 песен. Прибавив к 1100 песням, записанным раньше, эти 111, А. М. Листопадов стал обладателем ценнейшего и уникального собрания донских народных казачьих песен, ожидавших своего обнародования.

Проводимая собирателем работа находила живой отклик у истинных ценителей народного творчества. Об экспедициях А. М. Листопадова писали «Донская речь», «Донские областные ведомости», «Русское слово», «Русский инвалид», «Русское богатство».

## ГЛАВА ПЯТАЯ

Наступил знаменательный в истории нашей Родины 1905 год. Переломным он был и в личной судьбе А. М. Листопадова. Революционное движение, всколыхнувшее народные массы, охватило и студенчество. Хорошо знавший жизнь трудового народа, терпящего гнет и насилие царских опричников, А. М. Листопадов, естественно, не мог оставаться в стороне от бурно развивающихся событий. И он принял активное участие в деятельности студенческих кружков.

В 1905 году вышел в свет первый печатный труд собирателя «Донская казачья песня». Эта работа, носящая информационно-исследовательский характер, еще в рукописи 11 октября 1904 года была премирована Обществом естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете большой серебряной медалью «За изучение мелодий донских песен». Она не потеряла своего значения и в наши дни,

являясь пока единственным и крайне ценным пособием, дающим обильный материал для исследователей-специалистов.

Этот научно-теоретический очерк был затем, в 1906 году, под названием «Народная казачья песня на Дону» помещен в первом томе «Трудов музыкально-этнографической комиссии общества любителей естествознания, антропологии и этнографии». К очерку в виде песенных иллюстраций было приложено 16 песен, отличительной чертой которых явилось полное сохранение народного говора, не исключая фонетических особенностей. Здесь же была напечатана карта Донской области с обозначением маршрута первой песенной экспедиции 1902—1903 годов.

И даже в 1905 году, напряженном, до отказа наполненном делами (ведь приходилось сочетать учебу в двух высших учебных заведениях с большой практической работой, как личной, так и общественной), собиратель вновь приезжает на Дон для проверки прежних записей и пополнения их новыми. Он побывал в станицах Екатерининской, Ермаковской, Усть-Белокалитвенской, Калитвенской, Усть-Быстрянской, Нижне-Кундрюченской, Верхне-Кундрюченской, Кумшацкой, Романовской, Есауловской, Кобылянской, Арженовской, Алексеевской, Старо-Григорьевской, Ново-Григорьевской и Пятиизбянской. В результате этой поездки была проделана огромная работа, которая после возвращения собирателя в Москву потребовала немалых усилий для приведения в порядок и классификации накопленного материала.

Закончить консерваторию и университет А. М. Листопадову не удалось, так как в 1907 году он был выслан царской охранкой за актив-

ное участие в революционном движении 1905 года из Москвы в город Саратов без права проживания на Дону.

В глухие и мрачные годы реакции А. М. Листопадов занимался педагогической практикой. Он преподавал пение и географию в женских саратовских гимназиях. Одновременно руководил хоровой секцией Саратовского народного университета.

Александр Михайлович прожил в Саратове 13 лет — с 1907 по 1920 год. Саратовский период его деятельности оставил заметный след в культурной жизни этого крупного волжского города. С 1915 года он работает преподавателем в Саратовской консерватории.

Великая Октябрьская социалистическая революция, знаменовавшая собой начало новой исторической эры, создала все условия для расцвета культуры и искусства, открыла широчайшие возможности для развития народного творчества, его всесторонней пропаганды и глубокого научного изучения. С первых дней революции А. М. Листопадов отдает все свои силы, знания и опыт воспитанию новых кадров советских музыкантов, приобщению их к культурному наследию прошлого.

В 1918 году он становится членом Временного комитета по управлению Саратовской консерваторией, в следующие два года — руководителем театрального хора Отдела искусств, а затем заведующим музыкальной секцией Саратовского городского отдела народного образования и дирижером Государственного хора политотдела Саратовского губвоенкомата.

Профессор Ленинградской консерватории, доктор искусствоведения Анатолий Никодимо-

вич Дмитриев рассказал мне немало интересного о жизни А. М. Листопада в то время. Приведу несколько фактов из его воспоминаний:

— Я хорошо помню этого скромного человека, большого труженика. В 1919 году я был студентом Саратовской консерватории. Александр Михайлович в это время преподавал в ней. Но особенно хорошо знал А. М. Листопада мой отец, Никодим Михайлович Дмитриев. У них было много общих интересов.

Александр Михайлович был великолепным хоровиком. Преподавал хороведение, дирижирование, народное творчество, вел и теоретический курс.

Надо сказать, что в Саратовской консерватории были видные силы. Преподаватели — широко образованные люди. Ведь Саратов в то время был крупным музыкальным центром страны. Здесь, в консерватории, выступали с концертами Рахманинов, Собинов, Ипполитов-Иванов, с которыми А. М. Листопад, к слову сказать, был знаком.

Мой отец являлся председателем Волжского русского хорового общества, в которое входил и Александр Михайлович. Они оба руководили хорами в разных клубах. Хоры пели великолепно. Исполняли даже такие вещи, как «Сотворение мира» Гайдна, «Реквием» Моцарта. Приобщали к большой музыкальной культуре трудящихся. Их демократизм, неиссякаемая любовь к песне, умение работать, что называется, не покладая рук снискали им глубокое уважение у любителей хорового пения.

Хотя жизнь в Саратове была до краев наполнена работой и досуга почти не оставляла, А. М. Листопад выкраивал время для за-

нятий делом, которое стало главным делом, смыслом его существования. Он собирает русские и татарские народные песни. На саратовской пристани записывает трудовые припевки волжских лрузчиков. Продолжает обработку своего собрания донских казачьих песен. Ведет оживленную переписку со своими учителями и коллегами по музыкально-этнографической комиссии. Участвует в «Школьном сборнике русских народных песен для среднего и старшего возраста», вышедшем в 1910 году, в котором было помещено 15 песен из его собрания в сплошной подтекстовке. Подготавливает к изданию новый труд, который должен был явиться первой частью крупной работы, состоящей из десяти выпусков.

В 1911 году этот труд вышел в свет. Он назывался «Песни донских казаков» и содержал 107 казачьих песен всех жанров, бытующих на Дону. За этот сборник А. М. Листопадову была присуждена золотая медаль, и он был удостоен премии «В память международных конгрессов по антропологии и доисторической археологии 1892 года», как сказано в официальном отношении Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, подписанном президентом Общества профессором Д. Анучиным и направленном А. М. Листопадову 23 октября 1912 года.

В этом же, 1911 году появляется в печати его статья о записи народных песен в 1904 году. Она была опубликована во втором томе «Трудов музыкально-этнографической комиссии» и называлась «Поездка в Донскую область для собирания казачьих и малорусских песен. Записи великорусских песен в Москве». В качестве



приложения были помещены 13 донских казачьих песен, 9 украинских песен, 8 русских песен Орловской и Пензенской губерний.

Хочется здесь же отметить, что сборник А. М. Листопадова 1911 года был высоко оценен крупнейшими специалистами-фольклористами. А в появившемся в том же году «Опыте руководства к изучению русской народной музыки» его автор, видный музыковед А. М. Маслов, прямо писал: «Очень много интересных данных, в особенности для изучения полифонии в русской песне, предоставляют труды одного из позднейших собирателей и исследователей — А. М. Листопадова. Его наблюдения над собранным им в Донской области песенным материалом показали, во-первых, что донская (казачья) песня есть одна из прямых отраслей великорусской народной песни, заключающая в себе некоторые особенности, обусловленные историческим укладом боевой жизни донских казаков. Во-вторых, что своим многоголосием своеобразно-контрапунктического характера казачья песня, существенно отличаясь от хоровых многоголосных произведений, построенных по законам западноевропейской музыкальной теории, в то же время отличается и от русских народных песен большинства существующих сборников, в которых, даже в первых лучших — Балакирева, Римского-Корсакова и др., русская народная песня представлена одноголосною. Многоголосие казачьей песни, вышедшее из былого общинного уклада жизни донских казаков с их односумством, с их близким участием в интересах общественной жизни, с общинным землепользованием дает основание по аналогии предполагать такое же многоголосие и в песнях русского

народа, из среды которого вышли и сами казаки. Прямым выводом отсюда для Листопадова было давно сложившееся убеждение в ошибочности взгляда наших первых исследователей во главе с А. Серовым на русскую народную песню, как на одноголосную».

В 1912 году появились в печати две работы А. М. Листопадова — «1812 год в народных песнях» и «Народные песни—донские казачьи, малорусские и великорусские» с приложением 30 песен, из которых 13 были казачьими.

Все эти годы А. М. Листопадов не расстаётся с мечтой вновь побывать на Дону, продолжить свою работу, которую он считал далеко не завершённой. И только в 1911 году собиратель получил официальное разрешение посетить Дон. Он сразу же отправился в путь. Посетил станции Усть-Белокалитвенскую, Екатерининскую, Ермаковскую, Марининскую и Константиновскую. Накопленный им опыт и солидная теоретическая подготовка давали себя знать. Собрание песен пополнялось. Заметно продвигалось и дело переписки.

В 1914 году он смог вновь приехать на Дон, где вел свои обследования в станицах Манычской, Аксайской, Бессергеновской, Заплавской, Кривянской, Грушевской, Елизаветинской, Мелеховской. В следующем году он продолжил работу в этих станицах, но на этот раз посетил ещё Романовскую, Кумшацкую, Цимлянскую и Новочеркасск.

Новые записи значительно увеличили накопленный им богатейший материал, хотя основная часть его была записана в период с 1898 по

1905 год, а последующие выезды, с 1905 по 1915 год, носили в основном повторно проверочный характер.

## ГЛАВА ШЕСТАЯ

Когда белогвардейские полчища были изгнаны Красной Армией из пределов Северного Кавказа, саратовские большевики обратились к интеллигенции с призывом принять участие в культурном строительстве на Дону. В 1920 году А. М. Листопадов одним из первых вернулся в родную Донскую область и сразу же с головой окунулся в работу со всей присущей ему энергией, видя в просвещении народных масс и пропаганде культурного наследия свой гражданский долг. Перед ним открылись и совершенно новые возможности продолжения главного труда своей жизни. В этом году вышел его небольшой сборник «Шесть русских народных песен». А уже в 1921 году он по командировке Донского областного военного комиссариата совершил экспедицию в районы расположения 37-й пехотной дивизии и в некоторые станицы по Дону и Бузулуку с целью записать песни гражданской войны. Он посетил станицы Багаевскую, Мелеховскую, Качалинскую, Трех-Острвянскую, Клетскую, Сиротинскую, Старо-Григорьевскую, Ново-Григорьевскую, Филоновскую, Аннинскую, Дурновскую, Ерыженскую, Перекопскую.

Перебравшись в Новочеркасск, в котором когда-то учился в семинарии, а позже, уже серьезно занявшись собирательской деятельностью, принимал активное участие в устройстве Донского музея истории, археологии и этнографии,

А. М. Листопадов с 1921 по 1924 год был преподавателем Новочеркасского музыкального техникума, музыкальной школы, музыкальных курсов и одновременно инструктором-преподавателем курсов военных, военно-хозяйственных, пехотно-командных, кавалерийских и других. С 1920 по 1927 год он был преподавателем Донского педагогического института, а с 1925 по 1934 — заведующим новочеркасскими музыкальными учебными заведениями.

Ученик Александра Михайловича, член-корреспондент Академии педагогических наук Г. П. Сердюченко с любовью и благодарностью вспоминает «всегда глубоко содержательные занятия А. М. Листопадова по теории музыки и русской народной песни, проводившиеся им в Донском педагогическом институте и в Новочеркасском музыкальном техникуме. А. М. Листопадову были свойственны исключительный педагогический такт и умение просто и ясно излагать сложные вопросы теории музыки, внушать своим слушателям серьезный интерес и любовь к высокохудожественным произведениям русского народного песнетворчества».

Трудно переоценить роль А. М. Листопадова в массовой музыкально-просветительской работе в эти годы. Лауреат фестиваля художественной самодеятельности в честь 50-летия Великого Октября, заслуженный артист Армянской ССР Вениамин Андреевич Никольский говорил мне, что его связывало с Александром Михайловичем многолетнее сотрудничество, которое началось сразу же после возвращения А. М. Листопадова в Новочеркасск.

— В Новочеркасске был в то время Войсковой донской хор, который затем был превращен

в первую певческую капеллу, руководимую А. М. Листопадным, — рассказывал В. А. Никольский. — Я был певцом. Певцом был и мой товарищ Иван Иванович Плешаков, отличный бас, певший партию Мельника. А потом командование девятой стрелковой дивизии организовало оперу. Хормейстером был А. М. Листопадов. Петь под его руководством было большим удовольствием. В нем счастливо сочетались качества педагога и большого знатока музыки. Александр Михайлович привил мне любовь к казачьей песне. Затем я стал вторым хормейстером. По его заданию я ездил по хуторам и станицам, набирал в хор певцов. Позднее, в послевоенное время, меня пригласили по его рекомендации на должность художественного руководителя Ансамбля песни и пляски донских казаков. Он, большой знаток казачьей песни, оказывал мне постоянную помощь и добрыми советами, и практическими делами. День, когда он приходил в ансамбль на репетицию или на концерт, был для всех нас праздником. И не только потому, что перед нами сидел человек, первым записавший исполняемую песню. А главным образом потому, что мы видели в нем благодарного, заинтересованного слушателя, который охотно делился с нами своим опытом, своими знаниями.

Встретился я и с другим учеником Александра Михайловича — уже упоминавшимся Иваном Ивановичем Плешаковым, ныне профессором Ленинградской консерватории. Иван Иванович с видимым наслаждением вспоминает свою юность, далекие уже теперь, но счастливые годы, когда он в Новочеркасске впервые приобщился к музыкальной культуре, впервые ощутил неистребимую внутреннюю потребность в

пении, доставившую немало волнений и мук в годы ученичества и большую человеческую радость одержанными успехами.

— Мне уже пошел девятый десяток, — говорит И. И. Плешаков, — всю жизнь я отдал пению. Многие годы был солистом Ленинградского оперного театра имени С. М. Кирова. Теперь преподаю в консерватории. Но первые зерна любви к песне, к искусству в мою душу заронил Александр Михайлович Листопадов. Помню себя совсем молодым казачком, первые уроки пения, с таким тактом, умением, любовью преподаанные Александром Михайловичем.

Вскоре судьба забросила меня в Полтаву. Здесь я подружился с Иваном Семеновичем Козловским. Мы пели с ним в одних спектаклях. Я часто пел Ивану Семеновичу родные свои казачьи песни, рассказывал ему о своем первом учителе Александре Михайловиче. Надо сказать, что Иван Семенович с большой любовью слушал казачьи народные песни, записанные А. М. Листопадовым и разученные мною под его руководством. Ему была очень симпатична деятельность прославленного собирателя, этого бескорыстного служителя муз, подлинного энтузиаста-подвижника. Был Александр Михайлович очень добрым, отзывчивым человеком. Как он внимательно умел слушать, сопереживать! Мы, певцы и капеллы и оперы, очень любили его за обширные знания, умение их преподнести ученикам, за доброжелательность, скромность, простоту, за преданность делу, которому служит верой и правдой. Не только я всегда с благодарностью вспоминаю своего учителя. Его ученики рассеяны по всей стране, их встретишь и в Москве, и в Саратове, и в Ростове.

Среди многих культурных начинаний, инициатором которых был А. М. Листопадов в первые годы Советской власти, было и примечательное для Новочеркасска тех лет явление—созданный им в 1923 году трудколлектив музыкальной драмы. Он был и дирижером, и хормейстером этого коллектива, который осуществлял постановки классического репертуара. На юбилейных просмотрах, посвященных двухлетию трудколлектива музыкальной драмы, которое отмечалось в 1925 году, А. М. Листопадов дирижировал операми «Аида» и «Князь Игорь».

Этот трудколлектив стал стабильным, завоевал авторитет у новочеркасцев. В местной печати тех лет отмечалась большая музыкальная культура этих спектаклей, особенно выделялась высокая культура хорового пения и подчеркивалось, что А. М. Листопадову удалось привить участникам трудколлектива любовь к оперному искусству, которые могут при серьезной работе над собой вырасти в незаурядных исполнителей. Авторы небольших хроникерских заметок и микрорецензий на постановки трудколлектива как будто в воду смотрели. Действительно, по прошествии времени немало участников любительских спектаклей стало профессионалами, посвятив свою жизнь пению.

Евгений Васильевич Иванов, народный артист Казахской ССР, пройдя солидную выучку у такого требовательного педагога, как А. М. Листопадов, в 1927 году окончил музыкальную студию имени Глазунова в Ростове, а затем был солистом оперных театров Баку, Киева, Горького, Ленинграда, Алма-Аты, а с 1944 года в течение 15 лет выступал на сцене Большого те-

атра Союза ССР в партиях Сусанина, Мельника, Кончака, Гремина и др.

Солистом Большого театра Союза ССР стал и другой ученик А. М. Листопадова по трудколлективу музыкальной драмы — Николай Георгиевич Рогатин. Посвятили свою жизнь певческому искусству и другие питомцы этой любительской труппы, которая отличалась высоким профессиональным уровнем: Нина Митрофановна Васильева — солистка Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова, Николай Николаевич Ломтев — солист Свердловского театра оперы и балета.

Нужно сказать, что листопадовские традиции живут и ныне в известном на всю Росговскую область народном театре оперы и балета Ново-черкасского политехнического института, существующем уже многие годы. Недаром концертмейстер этого коллектива — ученица А. М. Листопадова Ольга Дмитриевна Скалозубова.

## ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Огромное значение собирательской деятельности А. М. Листопадова сделало его имя известным далеко за пределами Дона. Он оказал благотворное влияние на ряд фольклористов, воспринявших методы его работы. О нем появились статьи, дающие высокую оценку мастерскому воспроизведению им текстов и напевов. Виднейший музыковед и знаток народной песни А. Д. Кастальский ставил записи А. М. Листопадова выше всех известных в литературе записей русской народной песни. Он отмечал, что записи текстов и напевов стоят у А. М. Листопадова на одинаково высоком уровне, имеют огромную художественную ценность, могут ис-



полняться хором без предварительной композиторской обработки. Кроме того, материалы, собранные А. М. Листопадовым, — значительный вклад в сокровищницу нашей музыкальной культуры.

Видя в А. М. Листопадове крупнейшего специалиста, к нему в 1934 году обратился Наркомпрос Таджикской ССР с просьбой заняться собиранием и изучением песен таджикского народа. С охотой приняв это предложение, А. М. Листопадов в течение двух лет живет в Таджикской ССР. За это время он провел большую плодотворную работу. Им были записаны песни таджикские, узбекские, уйгурские, иранские, памирские. Таким образом, его собрание пополнилось еще 350 песнями различных среднеазиатских народностей. В Сталинабаде он организовал научно-исследовательский кабинет музыки, преподавал в музыкальных училищах Ленинабада и Сталинабада, а также на музыкальных курсах при Государственном академическом театре.

Вернувшись в 1936 году на Дон и поселившись в Ростове-на-Дону, А. М. Листопадов налаживает фольклористическую работу, занимается многими организационными вопросами, чтобы придать делу собирания, изучения и пропаганды устно-поэтического творчества широту и размах. Он поставил перед собой задачу собрать песни гражданской войны и песни советского Дона.

И снова немолодой уже собиратель в пути. В 1936 году он побывал в Калаче, станицах Пятиизбянской, Голубинской, Нижне-Кундрюченской и Кочетовской. В 1937 году вновь отправляется в поездку, посещает Калач, станицы Го-

лубинскую, Пятиизбянскую, Филоновскую, Ерыженскую, Старочеркасскую, Багаевскую, Нижне-Кундрюченскую. В 1938 году он не смог выехать в экспедицию по болезни и очень горевал, что срываются его планы. Известный ростовский краевед Б. А. Лунин так рассказывал об этом:

«Вспоминается эпизод, относящийся к зиме 1938 года. Ростовская областная фольклорная комиссия снаряжала тогда экспедицию для сбора и записи в донских станицах образцов старых и новых народных песен, былин, сказов и частушек. Стояли суровые морозы, но понадобилось немало труда убедить Александра Михайловича отложить свое участие в экспедиции. Он уже обзавелся валенками и настойчиво требовал помочь ему достать полушубок, уверяя, что за любимым занятием он скорее преодолеет свое нездоровье. Внимая настоятельным уговорам жены и врачей, А. М. обещал не принимать участия в экспедиции, но в назначенный час отъезда перед ее участниками предстала маленькая, закутанная в башлык фигура старого исследователя, и только с вокзала, уже перед самым отъездом, Александра Михайловича, больного, тяжело дышащего, с высокой температурой, удалось вернуть домой».

В 1939 году А. М. Листопадов посещает Калач, станицы Голубинскую, Пятиизбянскую, Старочеркасскую, Манычскую.

Участвуя в экспедициях и поездках в район боев под Сталинградом, он собрал песни гражданской войны, а также песни, отражающие жизнь советского казачества в нынешнее время, о доблестном труде колхозников, ударничестве, о любви к вождю революции В. И. Ленину.

В эти годы в различных издательствах страны вышли песенные сборники, в которых были опубликованы собранные им песни. Наиболее заметными из них являются сборники Военгиза, вышедшие в 1936 и 1937 годах с помещенными в них 25 записанными им донскими казачьими песнями, сборники Музгиза «Песни донских и кубанских казаков» 1937 года также с 25 песнями, сборник Ростиздата 1938 года под тем же названием — «Песни донских и кубанских казаков» с 23 песнями, сборник Сталинградского издательства 1938 года «Песни донского казачества» с 16 песенными текстами. Кроме последнего, во всех названных сборниках песни были даны с напевами.

В мае 1939 года Александр Михайлович сдал в печать свой основной труд «Песни донских казаков», включающий 1204 казачьи песни.

В 1940 году он принял участие в экспедиции, организованной Ростовским-на-Дону, Краснодарским и Нежинским педагогическими институтами в Приморско-Ахтарский район, Краснодарского края, к донским казакам-некрасовцам, возвратившимся из Турции после двухсотлетней разлуки с родной землей.

Неутомимый собиратель и исследователь донского фольклора Ф. В. Тумилевич, автор ряда трудов о народно-поэтическом творчестве казаков-некрасовцев, пишет:

«Некрасовцы являются потомками донских казаков (в основном голутвенных, т. е. бедных слоев), которые под руководством Кондратия Булавина принимали участие в крестьянско-казачьем движении 1707—1708 гг., направленном против крепостнического строя. После смерти Булавина это движение продолжалось еще в те-

чение нескольких месяцев. Среди руководителей его наибольшим авторитетом пользовался Игнат Некрасов; за ним шла основная масса восставших. После упорной борьбы царская регулярная и хорошо обученная армия с помощью домовитых (зажиточных) казаков нанесла восставшим сильные поражения: первое — 22 августа 1708 г. под городком Паншиным и второе — в начале сентября 1708 г., под городком Есауловым».

Игнат Некрасов, стремясь спасти от полного разгрома и уничтожения остатки своих войск, переправился на левый берег Дона. С ним ушли, помимо его боевых отрядов, и жители многих донских городков. Уйдя с Дона на Кубань, они основали здесь свои селения. Затем, **гонимые судьбой, большинство некрасовцев в сороковых годах XVIII века переселилось в Добруджу, в устье Дуная. Постепенно сюда переебрались все некрасовцы. А в девяностых годах XVIII века началось переселение их в Турцию.**

«Поселившиеся на Майносе казаки, — пишет Ф. В. Тумилевич, — были хранителями традиций старины. Они бережно хранили любовь к родине, национальное единство, обычаи предков, язык».

Это не противоречит заключению, к которому пришел А. М. Листопадов в своем исследовании «Песни казаков-некрасовцев»:

«Возвратившиеся из Турции уже почти в наши дни некрасовцы, — пишет он, — бывшие донские казаки, принесли с собой свою казацкую речь, почти не отличимую от речи современных казаков Дона, свои старые обычаи вместе со старинной казачьей одеждой, которую носили в Турции, и свою песню, которую предки их когда-то играли на Дону. Все это возвра-

тилось с ними в малоизмененном виде, несмотря на двухвековой отрыв от быта родины и на инонациональное и иноязычное окружение, в которых жили некрасовцы на чужой стороне».

Работа А. М. Листопадова в экспедиции к казакам-некрасовцам проходила в сложной обстановке, обусловленной разными причинами, в том числе и ее кратковременностью. Из четырнадцати человек только он один был фольклористом-музыкантом. Поэтому ему пришлось заняться совершенно необследованной стороной некрасовского песенного наследия — напевной. Собиратель проводил записи в станицах Ново-Некрасовской и Ново-Покровской, а также в районном центре Ахтари. За пять дней было записано 38 песен, в том числе 32 в упомянутых станицах и 6 в Ахтари. Таким образом, к листопадовскому песенному собранию прибавились 22 бытовые — любовные и семейные (из них 13 карагодных, гулебных и плясовых), 3 исторические, 11 песен военного быта и строевых, одна былинная и 2 свадебные.

Работа в экспедиции и собранный материал дали основание А. М. Листопадову сделать любопытные наблюдения. Хотя записана была всего одна былина «Ой, у молодца голова болит» («Садко на море»), отличающаяся своеобразной ритмикой, мелодичностью и, как прочие некрасовские песни, многоголосностью, А. М. Листопадов высказывает мнение, что у некрасовцев должно быть больше былин, и при более углубленных розысках наверняка встретились бы среди былинных героев и Добрыня Никитич, и Илья Муромец, и Алеша Попович.

Внимание собирателя привлек раздел исторический, состоящий в основном из песен, по-

священных самому Игнату Некрасову, главе и предводителю не пожелавших покориться царю казаков. Песни эти, замечает А. М. Листопадов, являются подлинным творчеством самих некрасовцев, как появившиеся уже на чужбине. Остальные песни некрасовского репертуара или принесены с Дона, или какими-то путями проникли к некрасовцам в Майнос впоследствии. «Возможно, — делает он предположение, — через соседей — ново-покровцев, которые переселились в Турцию из румынской Добруджи уже во второй половине XIX века».

«Для меня, — пишет собиратель, — в течение долгих лет бывшего в непосредственном соприкосновении с донским казачеством, кровно связанного с ним, насколько интересным в высокой степени и неожиданным было услышать от ново-некрасовцев и ахтарцев подлинный донской казачий говор, настолько же донские старинные песни, известные мне по собственным записям на Дону, а следовательно, бывшие еще в ходу среди донских казаков в конце прошлого и начале нынешнего столетий, когда я производил записи».

А. М. Листопадов обнаружил, что большинство записанных им некрасовских песен имеется в прежних его записях в более или менее близких вариантах. Во многих из них есть сходство и в текстах и в напевах, порою очень большое. Там, где отошла мелодика напева, сохранилось сходство в ритмическом строе. Во многих наблюдается сходство в текстах при различии напевов. В некоторых песнях, наоборот, констатируется мелодико-ритмическая близость при различии сюжетов. Вообще же в текстах донских и некрасовских вариантов сохранилось

больше сходства, нежели в напевах. «И это понятно, — замечает собиратель, — звуковая память менее прочна и менее долговременна, чем память предметная, сюжетная, ибо напев, не закрепленный на бумаге или другом материале, передаваясь только со слуха, подвержен большим, нежели текст, вариационным изменениям, чаще всего превращаясь в новый напев на тот же текст или на его вариант».

Сделанные А. М. Листопадовым записи песен казаков-некрасовцев представляют собой ценный материал как для сравнительного изучения донских казачьих песен, так и для ориентировочного установления времени создания наиболее древних из них, а также уяснения эволюции некрасовского песенного фольклора и языка. Собиратель делает заключение, что и эволюция напевных форм и звукорядов шла у некрасовцев тем же путем, что и на Дону, без каких-либо следов турецкого или иного влияния. Он замечает, что всем некрасовским песням свойственно многоголосие. «Некрасовская полифония, — пишет А. М. Листопадов, — будучи традиционной для русской песни всех местностей, населенных русскими, и сохранившись у казаков-некрасовцев на чужбине среди восточного одноголосия в течение почти двух с половиной веков, не должна оставить места для неправильного представления о русской народной песне, как песне одноголосной, живущего еще кое-где среди русских фольклористов. Песни некрасовцев, пройдя через народы и века, удержали самый стиль своеобразной народной русской полифонии, представляющей собой свободное движение различных голосов, не связанных требованиями узаконенной музыкальной теории (гар-

монии, контрпункта) и лежащей в основе песен донских казаков».

Вместе с тем собиратель отмечает и иное явление, заключающееся в том, что некрасовцы, сохранив многоголосную донскую исполнительскую традицию, принесли также обратно и донскую мелодику, однако утратившую в некоторой степени донскую подвижность, хотя меньшая мелодическая подвижность и сравнительно меньшая развитость естественны, как результат чуждого окружения.

Из всего сказанного видно, что песенная экспедиция к казакам-некрасовцам дала интересные и весьма существенные результаты. Больше А. М. Листопадову побывать у них не пришлось. Но изучение некрасовского песенного наследия продолжалось и в последующие годы. Привлекает оно внимание фольклористов и теперь. Особенно много записей различных жанров фольклора, бытующих у некрасовцев, сделано Ф. В. Тумилевичем.

## ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Несмотря на трудности и лишения, которые испытывал А. М. Листопадов в суровые годы Великой Отечественной войны, он и в это тяжелое время не прекращал работы, живя среди казаков, с которыми был кровно связан всю жизнь. В письме к одному из своих учеников он писал в 1942 году из станицы Кумщацкой, что работает до изнеможения. Он верил в победу, он жил мечтой о завершении труда, которому было отдано полвека. В его письмах тех лет много бытовых деталей, подробностей, свидетельствующих о том, что условий для занятий,



собственно, не было. И все же старый собиратель, преодолевая невзгоды, находил в себе силы по 18 часов не вставать из-за стола, изучать, сравнивать, анализировать, готовить к печати главную книгу. О скрупулезной и гигантской работе красноречиво говорят его рукописи — нотные записи, исследования. Пометки, сделанные красным, черным, синим, зеленым, коричневым карандашами, наклейки на забракованных местах, на полях рукописей, списки литературы к каждой песне для ее проверки, бесконечные правки. Это требовало напряжения не только умственных, но и физических сил, которых было не так уж много у тяжелобольного человека.

Немало моральных переживаний доставило ему сообщение о том, что немецко-фашистские мародеры разграбили его квартиру в Ростове, где хранились с таким трудом собранные за всю жизнь ценнейшие и уникальные материалы по фольклору. В своем дневнике он записывает 26 октября 1942 года: «От нашего имущества не осталось почти ничего: уцелел фонограф, но валики все погибли... Исчезло: вся библиотека — историко-этнографическая, по донскому казачеству, моя рукопись по истории собирания русской народной песни (историография), вся литература по фольклору Средней Азии, монгольскому и пр., вся библиотека по теории музыки».

Утратой материалов, которые являлись по существу рабочими инструментами ученого-исследователя, Александр Михайлович был потрясен, порой приходил в отчаяние. Особенно горевал он по поводу исчезновения бережно хранимых всю жизнь писем к нему его учителей А. Д. Кастальского, А. Т. Гречанинова, С. И. Та-

неева и коллег Е. Э. Линевой, В. В. Пасхалова и др.

3 ноября 1942 года он вновь пишет в дневнике: «Вспоминаю и записываю, что погибло в Ростове: вся переписка, относящаяся к началу моих работ по собиранию (с Авчинниковым, Харламовым и др.), об организации первой донской песенной экспедиции (с Х. И. Поповым, Харламовым, Поповым И. П., Арефиным), к изданию сборников 1911, 1905, 1912 гг. (с генер. Лютенсковым, Поповым Х. И., Янчуком Н. А...), к 20-му году и началу деятельности в Новочеркасске (с Лебедевой, Кастаньским и др.). Погибли все вырезки из старых газет... об организации экспедиций по Донской области и о моей работе. Погибли снимки этнографические».

Утрата многих необходимых для работы материалов, а главное внимание в эти годы собиратель уделял подготовке к печати пятитомника донских народных казачьих песен, его тщательному редактированию, корректированию, составлению справочного аппарата, потребовала от него невероятных усилий по восстановлению исчезнувшего. Вот что заносит Александр Михайлович, например, в свой дневник 6 июня 1942 года: «Начиная с 1 июня, работаю над реставрацией... былинных и исторических песен в качестве дополнительных к I тому: сделал пока «Ой да что не кукушка» — о богатыре-девице и «Ой, не шуми» — о Разине. Работа очень трудна и сложна...»

Работа эта была кропотливой, требующей вдумчивого, исключительно внимательного и бережного отношения. Одновременно собиратель продолжал трудиться и над своими теоретическими исследованиями, в которых содержатся в

высшей степени важные наблюдения и выводы. К сожалению, многие из них так и остались в рукописи и до сих пор не изданы.

В одной из своих автобиографических заметок, относящихся к 1944 году, А. М. Листопадов писал: «Работа идет с большим трудом, сказываются возраст, утрата значительной доли физических сил в последние годы, слабое состояние здоровья». Но подготовка к изданию собрания казачьих песен не прекращалась ни на день, А. М. Листопадов делал все необходимое для выполнения «поставленного перед самим собой и перед Родиной обязательства во что бы то ни стало закончить свой труд и возвратить народу взятое от него культурно-песенное достояние».

В первые послевоенные годы Ростовское областное книжное издательство выпустило ряд ценных книг своего знатного земляка: «Донские былины» (1945 г.), «Донские исторические песни» (1946 г.), «Старинная казачья свадьба на Дону» (1947 г.), «Былинно-песенное творчество Дона» (1948 г.). К сожалению, все эти сборники из-за слабой полиграфической базы в то время были безнадежными. Тем не менее они получили высокую оценку в печати. Видные советские фольклористы И. Н. Розанов и В. И. Чичеров отмечали, что «собрание А. М. Листопадова ценно именно тем, что дает представление о чудесном своеобразии казачьего эпоса Дона (причем это своеобразие не противоречит характерным чертам общерусского эпоса)... Особенности этого областного типа сказываются и на образах героев, часто изображаемых казаками, на типе сюжетов и мотивов (выделение эпизодов походной жизни, казачьей темы коня, проблемы ка-

зачьего Круга и пр.), на отражении социальных противоречий в казачестве...»

В мае 1939 года, как уже отмечалось, Александр Михайлович сдал в Музыкальное издательство свой основной труд «Песни донских казаков». Однако до выхода в свет первого тома прошло более 10 лет. Все эти годы он без устали работал над совершенствованием своего капитального труда. Из его обширной переписки, связанной с этим изданием, видно, сколько сил, энергии, времени отнимала у него эта работа. Дело двигалось чрезвычайно медленно, возникали неожиданные препятствия. Но находились доброжелатели, энтузиасты, которые помогали рождению монументального пятитомного собрания донских народных казачьих песен. И первым здесь хочется назвать ученика Александра Михайловича по Новочеркасскому музыкальному техникуму и Донскому педагогическому институту, доктора филологических наук, профессора Г. П. Сердюченко, под чьей общей редакцией и вышло это пятитомное собрание «Песни донских казаков». Издание осуществлялось в течение пяти лет — с 1949 по 1953 год.

В первый том вошли былины и исторические песни донского казачества — 222 номера, причем 64 былины и эпические песни составили первую часть первого тома и вышли отдельным выпуском. Вторая часть первого тома содержит 158 исторических песен; второй том — военно-бытовые песни, а также песни советского Дона — 222 номера; третий — бытовые протяжные: семейные, любовные и песни вольного люда — 258 номеров; четвертый — бытовые частые: хороводные, гулебно-плясовые и песни вешние — 245 номеров; пятый — «Старинная казачья

свадьба на Дону» — полный круг свадебных обрядов и песен — 296 номеров.

С точки зрения научной издание является образцовым. Оно имеет богатейший справочный аппарат — алфавитные указатели песен, имен, географических названий, указатели исполнителей и песен по месту записи, а также вокальных составов, тематическое содержание и др. В тома включены научно-теоретические труды А. М. Листопадова, а также «Замечания собирателя», содержащие обильный музыковедческий, лингвистический и этнографический материал.

Как правильно отмечал фольклорист Б. М. Добровольский, «пяtitомное издание «Песен донских казаков» безусловно является замечательным памятником нашей советской культуры и вместе с тем — памятником колоссальной творческой деятельности Листопадова. Все песни этого издания отредактированы и поданы в таком виде, что большинство из них может в любую минуту прозвучать с нашей советской эстрады не как архаика, а как живое творчество донских казаков. В этом величие и огромное значение труда замечательного музыканта-художника».

К сожалению, А. М. Листопадову не удалось увидеть главный труд своей жизни напечатанным. Первый том вышел через несколько месяцев после его смерти, в 1949 году. Тем, кто встречался с ним в последние дни перед кончиной, хорошо известно, что его помыслы были заняты скорым выходом в свет его труда, он жаждал подержать его в руках, казалось, даже ощущал уже такой приятный для автора запах свежей типографской краски. Он с нескрывае-

мым волнением выслушивал поступающие из Москвы от друзей подробности, связанные с этим, таким важным для него событием. Он еще полон был впечатлениями от недавнего юбилея, тепло отмеченного ростовской общественностью осенью 1948 года в связи с его 75-летием.

Я навестил Александра Михайловича в тот день его рождения, 18 сентября 1948 года. У него уже был в гостях преподаватель университета Я. П. Лепилин, которому А. М. Листопадов помогал и добрым советом, и товарищеской критикой в работе над диссертацией «Богатырская триада Киевского цикла в донской былине». Надежда Ивановна угостила нас самодельным вином.

Я принес Александру Михайловичу в дар первую книгу о его творческой деятельности, выпущенную Ростиздатом ко дню его 75-летия. Александр Михайлович был очень оживлен, приятно взволнован, много рассказывал и даже играл на фортепьяно.

Мне нравилось беседовать с ним — ведь он обладал огромной эрудицией, интересы его были разносторонними. Я не переставал удивляться его неумемной страстности, кипучей энергии. В 75-летнем возрасте, будучи тяжелобольным, он ни на день не прекращал работы, был полон творческих замыслов. Восстанавливал погибшую во время Великой Отечественной войны составленную им «Библиографию русской народной песни», замышлял новую работу «Песенная культура донского казачества», для которой собрал колоссальный материал.

Это был очень скромный человек, простой, сердечный, отзывчивый. Он не привык сидеть без дела. Всегда трудился неустанно, даже бу-

дучи прикованным тяжелым недугом к постели. Под подушкой у него лежала записная книжка с карандашом. Он то и дело доставал ее и заносил свои заметки. А думал он постоянно о том, что наполняло его жизнь до краев, — о народной песне, о ее музыке. Это о таких, как он, сказал поэт: «Он знал одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть». Он обладал удивительным свойством заражать людей своим неистовством, своей неиссякаемой любовью, неистребимой преданностью делу, которому служил верой и правдой.

Когда позволяло здоровье, любил он сидеть в Пионерском парке в полуденный час, в укромном уголке, с неизменной записной книжечкой в руках. Ему было трудно ходить, он опирался на палку и, добравшись до заветной скамейки, с глубоким вздохом садился. И сразу же начиналась работа, невидимая постороннему взору.

Нельзя не упомянуть добрым словом многолетнюю спутницу, друга и соратника Александра Михайловича — его жену Надежду Ивановну Листопадову. Немало забот и хлопот выпало на долю этой самоотверженной женщины. Она всю жизнь была верным и преданным помощником Александра Михайловича во всех его начинаниях. Она легко ориентировалась в обширном архиве, быстро находила нужные материалы, могла совершенно свободно, со знанием дела комментировать опубликованные или подготовленные к печати записи.

В последние годы, когда Александр Михайлович был тяжело болен, все организационные заботы по изданию пятитомника она взяла на себя, проявляя много энергии, неутомимости,

чтобы довести до конца труд всей жизни своего супруга, человека доброго, мягкого, глубоко интеллигентного, но исключительно принципиального там, где дело касалось убеждений, умевшего проявить твердость характера, неуступчивость, где речь шла о научной добросовестности. Надежда Ивановна принимала непосредственное участие в записи, обработке и подготовке к печати словесно-текстового песенного материала.

А. М. Листопадов умер 14 февраля 1949 года после тяжелой и продолжительной болезни. Проводить его в последний путь пришли ростовские композиторы, артисты, учащиеся музыкальных школ, педагоги — люди, которых он любил, для которых трудился, которым отдавал свой досуг.

## ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Если попытаться, хотя бы в общих чертах, проанализировать записанное А. М. Листопадovým песенное наследие донского казачества, то мы увидим, что его без преувеличения можно считать почти исчерпывающим.

Донские казачьи песни давно привлекали внимание передовых слоев русского общества. Декабристы и революционные демократы отмечали в них мотивы «свободы и борьбы с крепостничеством». В. И. Ленин в беседе с В. Д. Бонч-Бруевичем говорил: «Почему бы не написать исследование, чем была аракчеевская военщина для крестьян, сравнив эти «плачи»... с песнями тех же крестьян, которые убегали от помещика, от рекрутчины, от солдатчины и ор-



ганизовывали «понизовую вольницу», собираясь на Волге, на Дону... на Урале, в степях в особые ватаги, дружины, отряды, в вольные общества вольных людей. Тот же народ, а совсем другие песни, полные удали и отваги, смелые действия, смелый образ мыслей; постоянная готовность на восстание против дворян, попов, знати, царя, чиновников, купцов. Что перерождало их? К чему они стремились? Как и за что боролись? Разве это не интересно знать? И все это звучит в народной песне».

Действительно, песня — это душа народа. И все, чем жив человек с его мечтами, надеждами, стремлениями, борьбой за лучшую долю, находит отражение в песнях, этих ярких, высокохудожественных созданиях устно-поэтического творчества, являющихся своеобразной летописью дум и дел народных. Героическое прошлое нашей Родины, сложившиеся черты русского национального характера очень выразительно, выпукло и впечатляюще даны, например, в великолепных образцах былинного эпоса, по праву занимающего почетное место среди выдающихся произведений мировой литературы. Русские былины — это национальная гордость народа, пронесшего через века неизбывную любовь к своей земле, веру в силу и непобедимость правого дела, святую ненависть к поработителям.

Фольклористике хорошо известны имена первых собирателей былин на Севере, их важное начинание стало заметным явлением в культурной жизни общества. Записанные ими произведения русского народного эпоса явились полным откровением для науки. Но и П. Н. Рыбников, и А. Ф. Гильфердинг, и А. В. Марков, и Н. Е. Ончуков и другие записывали былины

без напева, ограничиваясь одним только текстом. Тем не менее их полезная деятельность находила одобрение, была отмечена в специальных работах. И хотя донские былины уже были опубликованы, в круг наблюдений и исследований фольклористов они не входили. Даже такой крупный ученый, как В. Ф. Миллер, в своих «Очерках русской народной словесности», первый том которых вышел в 1897 году, ни единым словом не обмолвился о существовании на Дону былин.

Следует отметить, что донские былины до А. М. Листопада почти не были изучены, да и собрано их было мало (в науке установилось мнение, что былины бытовали на Севере, и поэтому крупнейшие сборники преимущественно относились к северной традиции).

Из ста былинных текстов, бытующих на Дону, 64 записаны А. М. Листопадовым. Это был огромной ценности вклад в изучение русского народного эпоса. По-новому стала выглядеть наша былинная литература.

В своей работе «Казацкие эпические песни XVI—XVII вв.», написанной после ознакомления с опубликованными донскими былинами, записанными А. М. Листопадовым, академик В. Ф. Миллер писал: «Новые записи, сделанные в последние годы среди казаков, обнаружили интересный факт, именно существование прочной традиции еще в настоящее время среди казаков и сохранение ими гораздо большего числа былинных и исторических сюжетов XVI и XVII столетий, чем мы предполагали раньше». Вслед за ним и другие фольклористы стали внимательно изучать донские былины. Но наиболь-

ший вклад в исследование донского эпоса сделал сам собиратель, посвятив этому большой специальный научный труд.

Среди донских былин мы встречаем 15 о Добрыне Никитиче, пользующемся особой любовью и популярностью среди казаков (его прозвали даже Дончаком), семь былин об Илье Муромце, пять былин о Садко. А. М. Листопадов записал также былины об Алеше Поповиче, Дюке Степановиче, Иване Гардиновиче, Василии Буслаевиче, Гречине и др.

Вот характерная былина о казачьем любимце Добрыне:

### По полюшку было Кулюковскому

(Добрыня загулялся)

По полюшку было да было же полю Кулюковскому,  
Ой, там ходил же, вот бы, млад Добрынюшка,  
Да гулял он не год, не два:  
Ой прогулял же, вот бы, млад Добрынюшка,  
Прогуял ровно тридцать лет,  
Ой, ровно тридцать лет, еще три года,  
А всего тридцать три года;  
Ой, на четвертом толечко годочку  
Да стал коник спредвещивать:  
«Ой, ты, хозяин мой, да хозяин,  
Да хозяин мой ласковый,  
Ой, ты, утеха, вот моя утеха,  
Да утеха моя молодецкая!  
Ой, ничего же вот, моя утеха,  
Да не знаешь, не ведаешь, —  
Ой, родимую, вот бы, свою мамушку,  
Да ее не спротьведаешь!  
Ой, как твоя-то родимая мамушка,  
Да мамаша сыстарилась,  
Ой, молода твоя, вот бы, жаненочка,  
Да жаненка просваталась.  
Ой, не за князя она, не за барина,  
За Алешу Поповича,  
Ой, за такого-то, за хорошего,

Да за горькую пьяницу,  
Ой, да за бабьева за насмешничка,  
Да за девичья перелестничка».  
Ой, опустил же, вот бы, млад Добрынюшка,  
Да свою буйну голову,  
Ой, опускал же, вот бы, млад Добрынюшка,  
Да он ручки во кармашики,  
Ой, доставал же, вот бы, млад Добрынюшка,  
Да свои золоты ключи.  
Ой, отмыкал же, вот бы, млад Добрынюшка,  
Да свою он конюшеньку,  
Ой, выводил же своо коня доброго,  
Да коня богатырского,  
Ой, оседлал же, вот бы, млад Добрынюшка,  
Оседлал все черкесским седлом,  
Ой, да поехал, вот бы, млад Добрынюшка,  
Кы своей родной мамушке.

Еще А. А. Савельев, собиратель донского фольклора середины прошлого века, указывал, что «прощание Добрыни Никитича с матерью, его выезд на богатырские подвиги... долгое отсутствие из дому и в это время измена жены — все это возбуждает особенное сочувствие между казаками, может быть, потому, что в жизни мифического Добрыни так много сходного с жизнью казака». А это сходное, по словам А. М. Листопадова, заключалось в следующем: «...Та же долгая служба, отсутствие из дому, наконец, старость матери, судьба женщины одинокой, то же трогательное участие душечки добра коня к хозяину ласковому, которому конь, как верный слуга и товарищ, предвещает, что матушка состарилась, молода жена просвата-лась».

Донские песенники называют былины просто песнями — старинными, стародавними, староотеческими, богатырскими, прадедовскими и тому подобное. Отличительной чертой донской былины является относительная краткость ее

текста, широта напева и многоголосность исполнения. Если былины Севера длинные, обширны, обычно содержат от 500—600 до 1000 стихов, то донская былина состоит из 60—80, изредка немногим превышает 100 стихов.

А. М. Листопадов установил, что северные былины по своему происхождению, по природе своей тоже многоголосны, но длительное и ставшее традиционным игнорирование напевов и обращение фольклористов к сказителям-одиночкам привели к тому, что постепенно вид и склад былинного песенного напева, бытовавшего на Севере, были упрощены. Мелодия была заменена речитативом, который прерывался простым пересказом.

А. М. Листопадов всегда придавал исключительное значение многоголосию. Он не пошел по проторенной дорожке, облегчавшей работу собирателя, но невольно приводившей к искажениям и ошибкам. Не убоившись трудностей, он неутомимо следовал раз и навсегда избранным путем — дать подлинную народную песню, со всеми ее, даже мельчайшими, еле уловимыми, но играющими определенную роль чертами и особенностями.

Если северным сказителям наиболее важным представляется словесный текст, а напев — второстепенным делом, то для казака-песенника и текст, и напев одинаково важны и необходимы. Мы видим, что на Севере сказители имеют, так сказать, свой излюбленный напев. Это значит, что ряд былин может исполняться одним напевом. Например, 176 пинежских былин и исторических песен, записанных А. Д. Григорьевым в конце XIX века, имели всего 56 самостоятельных напевов. Иное дело на Дону. Из 64 записан-

ных А. М. Листопадовым донских былин нет ни одной, напев которой повторился бы в другой былине. Встречается изредка только приблизительное сходство вариантов одного и того же напева былин на один и тот же сюжет.

В золотом фонде русского народного эпоса донские былины занимают почетное место. В них нашли отражение исторически сложившиеся величие и героизм, сила и мудрость русского народа, его патриотические идеи и борьба за свободу и независимость. Мысли, чувства, понятия, настроения, поведение героев былинного эпоса были родственны донскому казачеству, искони ведущему боевой образ жизни. А. М. Листопадов писал: «Там, на Севере... свободный, отважный северянин в борьбе с природой черпал бодрость и силу в воспевании в своих старинах подвигов былинных богатырей. Здесь, на Дону, на южной границе русского государства, в постоянной, тревожной борьбе с враждебными народами, идеалом мужества, смелости и предприимчивости для казака — защитника родины и ее границ — являлись те же любимые богатыри: Добрыня-Дончак, Илья Муромец — старый казак, Дюк Степанович, Васюшка Буслаевич, а за ними казацкие богатыри — Степан Разин, Емельян Пугачев, Некрасов, Булавин, Ермак Тимофеевич, Иван Матвеевич Краснощеков».

Но общерусские герои былин претерпели на Дону изменения, утратив ряд качеств, не свойственных местным условиям, и приобретя такие, которые реалистически отражают быт и жизнь донского казачества. Характерными особенностями донских былин являются наличие бытовых подробностей и типические изображения картин степной природы. Об их музыкальном

богатстве можно судить по следующим, свойственным им признакам: пластичность и полнота широких мелодий, ладовое разнообразие, стройная выдержанная полифоническая система изложения, развитая форма песни, богатая разнообразием структур музыкально-поэтической строфы.

## ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

По эпическому складу аналогичны былинам исторические песни. Однако в отличие от былин они ближе к действительным, реальным фактам, запечатлели различные исторические события, так или иначе влиявшие на судьбы народа. В донских исторических песнях находят поэтическое отражение как общественные события и деяния отдельных лиц, относящиеся к прошлому Русского государства в целом, так сказать, общерусские, так и собственно донские, связанные с богатейшей историей донского казачества. Хотя, как отмечал собиратель, произвести четкое и точное разграничение между ними довольно трудно, а порой и невозможно, тем не менее собственно донские исторические песни превалируют над общерусскими. Из записанных А. М. Листопадовым 159 исторических песен только 37 можно отнести к общерусским, в то время как донских насчитывается в три раза больше — 122. Рассмотрение этих песен показывает, что чем дальше в глубь истории, тем больше в них самостоятельности, тем меньше заимствований и переосмыслений, тем ярче проявление творческого начала казачества. Можно смело утверждать, что донское казачество не

только не черпало для этих песен откуда-нибудь, а «наоборот, — как говорит собиратель, — само было живым источником для заимствований».

В записях А. М. Листопадова мы встречаемся с песнями о Ермаке Тимофеевиче, Степане Разине, Петре Первом, Иване Краснощекове, который так же популярен на Дону, как и атаман Платов, Суворове, Отечественной войне 1812 года и др.

Песни о Степане Разине, вожде крестьянской революции, значительно расширили наши представления о нем и его времени. Особый интерес представляет песня «Ай, на речке было, братцы, на Камышинке», в которой ярко выражена горячая любовь народа к Разину:

...Во кругу-то стоял, братцы, атаманушка,  
Стоял Степан Тимофеевич;  
Он к богатым во Круг никогда не хаживал,  
Вст и дружбу с ними не важивал,  
Офицерам-то он никогда не кланялся,  
Сы купцами он не здоровался,  
А теперь с голытьбой вот он во Кругу стоит,  
Братцы, с нами жа он речь говорит...

Антикрепостническая тенденция пронизывает песню «У нас, братцы, было на Дону», где показано объединение Разиным голытьбы.

15 песен было записано А. М. Листопадовым о Петре Первом. В них рассказывается о различных сторонах жизни этого государственного деятеля, причем в них напрочь отсутствует какая-либо идеализация. Любовь же донского казака к «воле вольной» выражена в исторической песне «Как у нас было, братцы, на святой Руси». В ней на вопрос побежденного в честном поединке Петра «...чем же тебе, чем, казак, по-



жаловать» донской казак режет правду-матку: Ой, да вот не надобно мне чинов, золотой казны, Ты пожалуй меня, вот и волей вольною...

Много песен создано о великом полководце А. В. Суворове. Известно, что донские казаки ревностно берегут память о любимом командире, которого они называли отцом-батюшкой. Печалью проникнута песня «Ой, да, не вечерняя эта звездочка», рассказывающая о ранении Суворова под Очаковом.

Талантливый полководец Иван Матвеевич Краснощеков, казачий атаман, был прославлен как бесстрашный воин, отличившийся во многих походах и во время войны Петра Первого с Персией и много позже, в борьбе со шведами. За преданность и горячую любовь к родине, нежелание служить врагу, так рассказывает предание, с него живьем содрали кожу.

Неувядаемой славой покрыли свои знамена казачьи полки во время Отечественной войны 1812 года. Атаман Матвей Иванович Платов и руководимые им войска наносили смертельные удары наполеоновской армии. Их боевые заслуги были высоко оценены Кутузовым, который писал Платову: «Повет преследования ва шего ни с какой быстротой сравниться не может. Вечная слава неустрашимым донцам».

Об этом очень живо и впечатляюще повествуется в ряде исторических песен, собранных А. М. Листопадовым. В его собрании мы находим и песни о героях Дона — атамане Игнате Некрасове, полковнике М. А. Родионове, об осаде Севастополя, о казаках под Силистрией и др.

Мы вправе утверждать, что донские народные казачьи исторические песни — это правдивые страницы истории Русского государства,

переданные в незабываемых поэтических образах. Очень характерно высказывание В. Г. Белинского, высоко оценившего историческое и художественное значение народных песен донских казаков: «Донские казачьи песни можно причислить к числу исторических, и они в самом деле более заслуживают названия исторических, чем, собственно, так называемые исторические русские народные песни. В них весь быт и вся история этой военной общины, где русская удаль, отвага, молодечество и разгулье нашли себе гнездо широкое и привольное... В них и исторической действительности больше, в них и поэзия размашистей и удалей».

Известно, что Пушкин в народной песне «искал прямой, резкой и правдивой оценки исторических событий» и что самый образ Степана Разина великий русский поэт смог уяснить прежде всего из народных песен, а Гоголь писал, что «народная песня — это народная история, живая, яркая, исполненная красок истина, обнажающая всю жизнь народа».

Любопытен особый раздел исторических песен «Казак и конь». Большое и почетное место отводится в донских былинах и песнях боевому коню, верному спутнику казака в его вечно тревожной, сопряженной с опасностями, многотрудной жизни. Эта любовь к «душечке — добру коню», ставшая традиционной, нашла свое отражение в ряде донских поговорок: «Казак без коня, что солдат без ружья», «Без коня казак кругом сирота», «Казак сам не поест, а коня накормит» и др.

Интересны отмеченные истинным поэтическим вдохновением эпические песни о зверях и птицах. Они издавна пользовались особым ува-

жением песенников. Назовем некоторые из них: «Ой, да ну как по морю то было» («Орел и стадо лебединое»), «Ой, да на ровной да на площади» («Спор сокола с конем»), «Ой, да ввечеру, братцы». («Туры златорогие»), «Ой, да что не пылочка» («Индрик-зверь и богатырь-охотник») и др.

Поэт и переводчик «Илиады» Гомера Н. И. Гнедич утверждает, что ни один народ не упоминал в своих произведениях различных птиц так любовно, как русский народ. Он пишет: «Соловьи, гуси, утки, ласточки составляют действующие лица наших песен, любимейшие сравнения древнейших произведений поэзии, начиная со «Слова о полку Игореве».

А. М. Листопадов сообщает, что казак-песенник станицы Екатерининской сказал о песенниках соседней Белокалитвенской станицы: «Калитва-то! Лябедушку как зачнет играть, день и ночь слушал бы да слушал! Люба, дюжа хороша!»

Песни о зверях и птицах отличаются композиционной стройностью и законченностью, музыкальностью, теплотой и лиричностью.

## ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

В повести А. М. Горького «В людях» есть такая замечательная страничка:

«Я стал бегать в казармы казаков, — они стояли около Печорской слободы. Казаки казались иными, чем солдаты, не потому, что они ловко ездили на лошадях и были красивее одеты, — они иначе говорили, пели другие песни и прекрасно плясали. Бывало, по вечерам, вычистив

лошадей, они соберутся в кружок около конюшен, и маленький рыжий казак, встряхнув вихрамы, высоким голосом запоет, как медная труба: тихонько, напряженно вытягиваясь, заведет печальную песню про тихий Дон, синий Дунай. Глаза у него закрыты, как закрывает их зорьянка — птица, которая часто поет до того, что падает с ветки на землю мертвой... Качаясь на тонких ногах, точно земля под ним волнуется, разводя руками, слепой и звонкий, он как бы перестал быть человеком, стал трубою горниста, свирелью пастуха. Иногда мне казалось, что он опрокинется, упадет спиной на землю и умрет, как зорьянка, — потому что истратил на песню всю свою душу, всю ее силу.

Спрятав руки в карманы и за широкие спины, вокруг него венком стоят товарищи, строго смотрят на его медное лицо, следят за рукою, тихо плавающей в воздухе, и поют важно, спокойно... Песня длинна, как большая дорога, она такая же ровная, широкая и мудрая; когда слушаешь ее, то забываешь — день на земле или ночь, мальчишка я или уже старик, забываешь все! Замрут голоса певцов — слышно, как вздыхают кони, тоскуя по приволью степей, как тихо и неустраимо двигается с поля осенняя ночь; а сердце растет и хочет разорваться от полноты каких-то необычных чувств и от великой, немой любви к людям, к земле».

Эта поэтическая картинка, написанная с натуры, очень выразительна и впечатляюща. Она подчеркивает исконную любовь казака к песне, с которой он не расставался никогда — ни в походе, ни на привале, ни в казарме, ни на поле сражения.

Военно-бытовые и походные песни, собран-

ные А. М. Листопадовым, крайне разнообразны и охватывают все перипетии военной службы казака — проводы, сборы, снаряжение, расставание, выступление, походы, битвы, схватки, поединки, стоянки, досуг, тяготы казачьей службы, ранения, болезни, смерть, горе по убитому, ожидание, возвращение со службы, встречу, приход на побывку, неволю, бегство из плена и др. Песни эти глубоко патриотичны, пронизаны святой любовью к родине, презрением к врагу, мечтой о победе. Они насыщены эпизодами, запечатлевшими многие примечательные явления длительной и утомительной военной службы — боевой дружбы, побратимства, односумства, взаимовыручки и др.

О тяжести военной службы говорят созданные в среде казачества поговорки: «Слава казачья, да жизнь собачья», «Кто не служил, тот не тужил», «Хоть слава на весь свет, да в службе покоя нет».

Если внимательно вчитаться в упоминаемые в песнях географические названия, то легко увидеть, что военная жизнь донских казаков протекала вдали от родных берегов, на чужбине, «чужой сторонущке», охватывающей почти всю Европу. О несладкой доле казака, испытывающего неимоверные тяготы походной жизни, рассказывается во многих записанных А. М. Листопадовым песнях. Назовем некоторые: «Ай, из-за лесу то было» («Царь поморозил казаков голодом и холодом»), «Ай, не рябая ты, моя кукушечка» («Голодная царская служба»), «Ай, взойди, солнце красное» («Часовой казак донской на царя прогневался»), «Ой, да по край было морюшка Верейского» («Казачи-малолетки мерзнут на службе»), «Братец мой, братунюшка» («Казак

вспоминает тяжелую службу»), «Ай да, как мы сядем да посидим» («Тяготы казачьей службы»), «Ай, голова ль моя, ты головушка» («Молодец жалуется на тяжелую службу»), «Над кавказской над дорожкой» («Нас воши заели»), «Ой, да ты, службица» («Надоела служба, надокучила»), «Ай, сторона моя, ты, сторона» («Служба замутила молодца»).

В песне «Над кавказской над дорожкой» — походной, строевой, плясовой, на вопрос молодого полковника

Отчего вы, казаченьки,  
В лице худы, бледны?

казаки отвечают:

Из того мы худы, бледны,  
Что мы очень бедны:  
День мы ходим во походе,  
А ночь в каравуле.  
С каравулушки смянимся,  
Гонят на бикеты.  
Сы букетушков смянимся,  
Ляжем во секреты.  
Ни разуться, ни раздеться —  
Нас воши заели,  
Вот нас вошечки заели,  
Гниды заточили!

Выразителен конец песни:

Ты, рассукин сын, каналья,  
Казачий полковник,  
Поморил, кукун-каналья,  
Ты своих служивых!  
Поморил, шельма, полковник,  
Нас смертью голодной,  
Ты нас смертью голодной,  
Зимою холодной.

В военно-бытовых песнях нашел свое отражение образ служивого казака, отличающегося

смелостью, отвагой, честностью. В то же время эти песни сильны и своей обличительной стороной, в них мы находим осуждение пороков, в которых погрязли нерадивые начальники, расхищающие народное добро.

Не один казак сложил свою «буйну головушку» в «чужедальной стороне». Песни о гибели казаков в бою с врагами очень трогательны, эмоциональны, высокопоэтичны, проникнуты неподдельной искренностью и лиричностью. Такова задушевная, плавная песня «Ой, не туман то с моря подымается» («Три ласточки над изрубленным телом»), в которой «млад-сизый орел» рассказывает о том, как:

Во иной земле, во Туре... во Туречине...

Е-ой, да во чистом во полюшке да под кустиком,  
Да под кустиком под раки... под ракитовым...

Е-ой, там лежит-то, лежит добрый молодец,  
Молодой казак, весь изру... весь изрубленный...

Далее рассказывается о том, как к телу убитого «привернулись... три ластушки... три касатушки» — «его матушка, мать родимая, сестра родная, молода жана»:

Е-ой, ну, где мать плачет, там река, что река бежит,  
Что река бежит, окян, окян-моря...

Е-ой, ну, сестра, она плачет — ручеек течет.

Где жана плачет, там роса, там роса впала...

Е-ой, ну, как мать плачет во век до... во век до веку,  
Как сестра плачет от год до... от год до году...

Е-ой, а жана, она плачет до белой зари, —  
Взойдет солнушка, росу вы... росу высушит.

Военно-бытовые и походные песни донского казачества, отличающиеся широтой тематики, обладают высокохудожественными достоинствами. Велика и значительна их научная ценность.

Полно и поэтично представлены в песнях

картины жизни казаков, не только внешнего военного, но и внутреннего быта — любовные, семейные, вешние, хороводные, плясовые, вечериночные, свадебные, песни вольного люда. Особенно выпукло в них показана тяжелая доля женщины-казачки, которая в те времена была бесправным существом. Хорошо переданы детали быта казачьей среды, длительная и утомительная предсвадебная церемония. Четко видно пагубное воздействие домостроевских предрассудков и суеверий, довлевших над сознанием людей и опутывавших их души сетями рабства.

О бесправном положении казачки в то далекое время так писал Л. Толстой в своих «Казаках»: «На женщину казак смотрит, как на орудие своего благосостояния, девке только позволяет гулять, бабу же заставляет с молодости и до глубокой старости работать для себя и смотрит на женщину с восточным требованием покорности и труда».

У М. Шолохова в «Тихом Доне» мы также находим немало страниц о трудной доле женщины-казачки, с ее загубленной молодостью, безрадостной жизнью. Описывая смерть Ильичны, писатель говорит: «Удивительно, как коротка и бедна оказалась эта жизнь и как много было в ней тяжелого и горестного, о чем не хотелось вспоминать...» «...Она неохотно вспоминала молодость, замужнюю свою жизнь. Все это было просто не нужно, ушло так далеко и не приносило ни радости, ни облегчения...»

О патриархальности уклада, домостроевских началах жизни, незавидной судьбе женщины — покорной рабыне правдиво, со всеми подробностями казачьего быта рассказывают собранные



А. М. Листопадовым любовные и семейные песни. В них мы находим яркие, с истинным поэтическим чувством нарисованные картины о неистовой любви, ревности, разлуке, измене и т. д. Запечатлены в них также и многие уродливые стороны жизни, отдающие средневековым варварством. Мы видим в то же время, что в семейных песнях выплескивается наружу неприятие отрицательных черт жизни, слышится их осуждение.

Конечно, среди этих песен встречаются и такие, где с особой теплотой и лиризмом говорится о высокой любви, о взаимной привязанности, о сердечной нежности, о радости и счастье. Но превалируют все же песни о суровых жизненных испытаниях, которые были уделом женщины-казачки.

Кроме этих протяжных песен, мы находим в записях А. М. Листопадова песни скорые, частые, которым, как отметил собиратель, давались разные названия, отражающие их форму и характер: пересыпка, пересыпуха, трындычка, мелкая, пляшишная (плясовая), ветреная, веселая, компаньшная, гулевая, сердцебитная и тому подобные. Это не названия жанра, а просто эпитеты, данные разными песенниками, указывающие на плясовую, оживленный характер этих песен, отличающихся чаще всего дробными ритмами и более скорыми темпами.

Исполнялись эти песни на семейных праздниках, на компанейских гуляньях, «на улицах», где веселилась и плясала молодежь. В них участвовали как девушки, так и молодайки, с пением хороводных песен они водили карагоды.

«В песнях, — пишет А. М. Листопадов в «Замечаниях собирателя» к четвертому тому «Пе-

сен донских казаков», — не делали строгого разбора: наряду с девичьими (для примера — «Ай, молодость, молодость, девичья красота») пелись и бабьи песни — компаньишные, гулебные («Я ли молода игреливая была» и др.). А так как в карагод втягивались и молодые казаки — парни-малолетки, а нередко и отслужившие «первую очередь»... то исполняли и песни полковые, плясовые («Трава моя, травушка», «Панянка» и др.), под которые отплясывали одиночки-плясуны.

Иные скорые, как «Ой, хмель», и другие мужские, в отличие от женских (бабьих), игрались в конном строю, на ходу, с бубнами, бунчуками, ложками, треугольниками, с присвистом.

Песня скорая сменялась протяжной, вернее, делалось наоборот, так как начинали песни всегда с протяжной, какой-нибудь стародавней, застойной».

Любопытны наблюдения собирателя над внешними песнями (веснянки), приуроченными к весне и посвященными пробуждению природы. Веснянки сохранили какие-то исторические имена, названия, облеченные народной фантазией в понятный песеннику бытовой наряд. Большая часть записанных А. М. Листопадовым веснянок относится к тем, которые не сопровождаются игрой, и все действие в них состоит в том, что участвующие водят карагоды. «С наступлением весенних теплых дней, — пишет Александр Михайлович в уже упоминавшихся «Замечаниях собирателя», — как только зазеленеет травка на пригорках, молодежь — девчата, ребята и молодые бабы — начинает водить хоровод, в карагоды, «в лельки играть». Далеко разливающиеся

звуки хороводных песен вызывают на улицу запоздавших подружек. Спешат на песню и женатые казаки. Тащатся с костылями в руках старухи и старики, чтобы поглазеть на веселящуюся молодежь, а те, что пободрей и повдоровей, и сами присоединяются к карагоду. Старики-песенники, игравшие нам веснянки, рассказывали, что еще лет 15—20 до времени записи участие стариков в карагодах было обычным и не вызывало ни насмешек, ни нареканий».

Говоря о свадебных песнях, нельзя не отметить, что они в основном являются женскими (бабьими) песнями. В момент записи они исполнялись казачками с высокими, красивыми и подвижными голосами. Особо надо выделить голошения, или причитания.

Товарищ А. М. Листопадова по первой песенной экспедиции С. Я. Арефин вспоминает: «Удивительное дело! Сколько мне ни приходилось работать с казачками разных возрастов, характеров, положений, ни разу причитания... не обходились без слез. И не чувствительность только, не нервность — было и это, — а нечто более глубокое, более общее для них всех, общее в их положении замужних женщин вызывало эти слезы воспоминания, слезы о невозвратно утраченном прошлом... За их слезами чудились испорченная жизнь, разбитые надежды, поруганные мечты — все то, чем манила когда-то жизнь...»

Цикл песен, составляющих «Старинную казачью свадьбу на Дону», был записан А. М. Листопадковым с 1897 по 1901 год в основном в родной станице Екатерининской (207 песен из 296). Остальные 89 записаны с 1902 по 1911 год в станицах Усть-Белокалитвенской, Калитвенской,

Верхне-Кундрюченской, Нижне-Кундрюченской, Усть-Быстрянской, Ермаковской, а также в станицах, расположенных по Хопру, Медведице и по среднему и нижнему течению Дона.

Казачья донская свадьба представляет собою одно, довольно стройное целое, состоящее из нескольких отдельных частей. Она включает в себя смотрины (сватовство негласное), рукобитье — своды (открытое сватовство) у невесты и у жениха, вечеринки, игры вечериночные («Соседи», «Монахи», игра в «Дуброву», «Подушечка», «В жгуты», «Король», «Зайнька», «Смажем» и др.), посиделки, причитания, приданое, день перед венцом, стоворы и девичник — у невесты, в доме жениха и в пути, предбрачную вечеру у жениха, день венца — у жениха и у невесты, на посадке у невесты, брачный поезд в пути, повиванье и др. Перечисленные здесь моменты свадебного ритуала сопровождались песнями, которые были записаны в те времена, когда они звучали полным голосом, «когда, — как говорит А. М. Листопадов, — обрядность... выполнялась без стеснений полностью, когда справлялась свадьба средствами, по преимуществу, собственного, домашнего производства, когда покупная мануфактура только входила в казачий обиход, для большинства же была еще и недоступной и непривычной, когда, наконец, ни железных «карватей», ни даже самоваров казачья семья не знала, невеста же и в своей кладке не имела их».

Старинная казачья свадьба — очень красочное и волнующее действо. А. М. Листопадовым были записаны не только песни, но и все обряды.

Хочется привести страничку из воспомина-

ний С. Я. Арефина, по живым следам записавшего в Романове часть свадебной церемонии — сговоры (самый красивый и полный драматизма момент во всей казачьей свадьбе, когда на вечеринку перед днем венчания собираются к невесте ее подружки на прощальную беседу):

«После ужина и неизбежных танцев среди девушек и женщин, наполнивших комнату в качестве зрительниц, начали раздаваться возгласы:

— Сборы, сборы... Пора!

Приближался момент прощания невесты с родными, подругами и наконец с вольной девичьей волюшкой.

Девушки уселись за стол, на который поставили сладкий пирог. Невеста была между ними в переднем углу. Одна из девушек сильным низким контральто завела, твердо отчеканивая каждый слог

Вы сборы, сбо-о-ры-и...

При первых звуках песни точно электрический ток пробежал между зрителями, наполнявшими горницу. Все, как один, сжались, отошли дальше от стола, от света, в противоположный темный угол. Ребята, стоявшие ближе к дверям, попятнулись из горницы в сени и остановились только за дверьми, в тени. Тишина стояла мертвая. В промежутке между двумя строфами песни слышно было, как жалобно скрипнула дверь под тяжестью чьего-то навалившегося на нее тела... Мне почему-то вдруг стало тоскливо-жутко...

Вы сборы, сборы, сговоры, —  
пели девушки.

У рано-рано сговоры,  
Собирала Полюшка всех подруг,

Посажала она всех их за стол;  
Сама села она выше всех,  
Склонила головушку ниже всех,  
Думала думушку крепче всех,  
Сронила слезочку больше всех:  
— Подружки мои, милыя,  
Скажите мне, придумайте, —  
Скажите мне, как свекра звать?  
Как будет звать свекровушку?  
...Батенькой назвать — не родной отец!  
Маменькой назвать — не родная мать!!

Со второй строфы невеста не выдержала, зарыдала.

Это было ее последнее прощание с родными, с подругами, со всей знакомой, привычной с детства обстановкой, со всем, во что вложена часть и ее души, забот, радостей. Завтра ее ждала новая жизнь в чужом, незнакомом ей хуторе, среди чужих людей, в чужой семье, с чужим человеком, которого она почти не знала, за которого шла без всякой охоты, неволею, по приказанию отца. А у нее была уже своя личная, интимная жизнь, как передали мне мои спутницы: она любила и была любима, Сватовство ее теперешнего жениха, подвернувшегося неожиданно и представлявшего выгодную (экономически) партию, смяло эту жизнь, вырывало с корнем все надежды, опустошало сердце. Тут была обычная, невидная женская драма.

Ей было о чем плакать, бедняжке... Она припала головой к столу, и ее рыдания заглушили было на мгновение песню. Но сейчас же, словно подопретая этими рыданиями, песня зазвучала еще сильнее, еще тоскливей.

На глазах некоторых из девушек тоже показались слезы. Они сначала как бы смущались их, прятались за спины подруг, но по мере дви-

жения песни слезы были уже у всех, и они не замечали их. Слезы же послышались и в песне — голоса как-то судорожно задрожали.

Слезы были и на глазах у большинства зрителей. Ребята стояли нахмуренные, потупившись. Бабы плакали, спрятавшись друг за дружку. Каждой из них был понятен этот момент, каждая из них уже пережила его, каждая знала, что представляет собой этот «проклятый замуж», знала, «как свекра звать».

По окончании песни невеста, выйдя из-за стола, стала прощаться с родными — отцом, дядей, теткой, маленьким братом (матери не было в живых) — и с подругами. Каждого из родственников она усаживала около стола, рядом с девушками и голосила — коротеньким, печальным речитативом пела особый, положенный по свадебному ритуалу текст причитания:

А-а-а, да родимый мой батенька!  
Благодарю я вас  
За последнюю за вечерушку... —

вела она, закрывшись от слез платком.

Когда же невеста стала против стола и перешла к прощанию с «волей девичьей», рыдания до того охватили ее, что минутами она не могла выговорить ни слова. Безысходная тоска зазвела в мотиве:

Отходилася я, отгулялася  
У свою у родного батеньки,  
У своей родимой маменьки.  
Отплела я свою косушку русую;  
Отплела я свою ленточку алую.  
Как и мне-то воля унимается,  
Красота с лица стирается!  
Уж вы, милыя мои подруженьки,  
Да вы, вольныя, раскочнай,  
Поручаю вам, мои подруженьки,  
Мою волюшку, мою девичью.

Как пойдете вы вдоль по улице  
Да сустренется моя волюшка,  
Да вы, вольные мои подруженьки,  
Вы примолвите мою волюшку!  
Как пошла-то моя волюшка,  
Пошла краса во темны леса!  
Ты ходи же, моя волюшка,  
Ходи, не заживайся.  
Да приди же, моя волюшка,  
Да приди же, моя девичья,  
Приди ко мне, понаведайся!  
Тяжко с тобой, моя волюшка,  
Тяжко расставатися...

Девушки всхлипывали, склонившись к столу и закрывшись руками. Женщины, подавшись вперед, жадно ловили каждое слово и плакали, уже не скрываясь...

Не знаю, до чего дошли бы рыдания, если бы отец невесты не положил конец этой тяжелой сцене. Он чувал, вероятно, что в данное время и в данном положении это нечто большее, чем простой обряд, и ему, видимо, было не по себе.

— Ну, што там?.. Будя!.. — проговорил он, беря рыдавшую невесту за плечо и отрывая ее от стола. — Бог даст...».

Свадебная песня, как и всякая протяжная донская песня, начинается запевом, который исполняется запевалой. Но запев этот более краток и менее развит. Свадебные скорые — частые, как и другие казачьи скорые песни — плясовые, гулебные, компаньишные, хороводные, как правило, запевов не имеют. В отличие от других жанров свадебные песни допускают повторение одного и того же напева с различными текстами. Что касается причитаний, то необходимо иметь в виду, что исполнительницы их в то же время являются и творцами-импровизаторами,



В свадебных песнях, как, впрочем, и во всех бытовых песнях, мы обнаруживаем обилие поэтических параллелей, свойственных, как известно, русской народной поэтике, частое обращение к образам, олицетворяющим собой необъятный мир природы.

Несомненную ценность представляют и этнографические записи, сделанные собирателем, содержащие многие подробности семейного уклада, а также сведения об одежде, утвари и т. д.

Особо надо сказать о собранных А. М. Листопадовым песнях советского казачества. События гражданской войны на Дону, наступившие после ее победоносного завершения, годы мирной жизни, развернувшееся повсюду социалистическое строительство, вызвавшее к жизни энтузиазм народа, породившее новые формы трудовой деятельности людей, — все это нашло достойное отражение в песнях советского Дона. Пронизанные патриотическими чувствами, песни эти стали любимыми, часто исполняются самодельными коллективами на различных смотрах и фестивалях.

Не в одной песне рассказывается о герое гражданской войны, донском казаке Семене Михайловиче Буденном, о прославленной и легендарной красной коннице, наносившей внезапные и смертельные удары врагу.

В песне «Из-за леса, из-за темных было гор» вот как рисуется образ Буденного:

Из-за леса, из-за темных было гор  
Наша конница несется на простор,  
Е-е-ей, говори!  
Наша конница несется на простор.  
На просторе хочет силушку собрать  
Да ворогам трéпку добрую задать.

Е-е-ей, говори!  
Да ворогам трепку добрую задать.  
Впереди у нас Буденный удалой,  
Ведет в дело казаков за собой.  
Е-е-ей, говори!  
Ведет в дело казаков за собой.

А вот заключительный куплет из песни «По полям и по кустам»:

Бейте, режьте, не жалейте  
Вы, донцы, — вперед, вперед!  
Командир у нас Буденный  
В руку шашечку берет.  
Грянем песню веселей  
И помчимся в бой смелей!  
Командир у нас Буденный  
В руку шашечку берет.

Большой интерес также представляют песни о Буденном «Из-за леса, леса копий и мечей», «Висла, речушка широка», «Слава, честь донцам отважным», «Слава Буденному, герою» и др.

Другому герою гражданской войны Клименту Ефремовичу Ворошилову посвящены песни «Утром рано, весной», «Туча черная, туча грозная», в которой есть такие слова:

Ворошилов идет с нами,  
Нам и смерть с ним не страшна.  
Нам и смерть с ним не страшна да  
И службица с ним красна.

Выразительны песни о колхозном Доне. «Ой, ишли плотнички», рассказывающая об ударничестве, записана А. М. Листопадовым в 1936 году в станице Нижне-Кундрюченской от казаков братьев Егора и Александра Шумковых и их жен, как образец переосмысливания и переработки в колхозной казачьей среде старинной песни.

О трудовом порыве колхозников на общее благо, о любви к Родине говорится и в песне «По колхозам, по станицам»:

По колхозам, по станицам  
Радостью поля цветут,  
И чудесной вольной птицей  
Звонко в радио поют.

Трактор мой, стучи задорней:  
Наша радость широка —  
Побеждаем мы просторы,  
Побеждаем облака.

Над станицей дыма кольца,  
Блещут солнцем лемеха —  
Выезжают комсомольцы  
Землю-матушку пахать.

Чтоб пшеница золотая  
Светлым колосом цвела,  
Чтоб страна наша родная  
Вся бы весела была!

Даже такой краткий обзор песенного наследия, собранного А. М. Листопадковым, убедительно свидетельствует о жанровом разнообразии донских казачьих народных песен и о их сюжетной насыщенности. Донские песни в лучших своих образцах — яркие поэтические создания, дающие возможность нарисовать впечатляющую картину жизни донского казачества в те стародавние времена во всей ее широте и многообразии.

Вот как говорит о собранных А. М. Листопадковым песнях редактор его пятитомника С. Кондратьев: «Труд А. М. Листопадова — ценнейший вклад в золотой фонд отечественной музыкальной культуры, наиболее значительная, как нам кажется, работа в области народной музыки за

весь послеоктябрьский период. Это не только музыкально-этнографический документ, но и памятник истории; не только исторический памятник, но и художественная антология, которая, минуя всяческие обработки, может прямо войти в репертуар наших многочисленных хоровых коллективов».

## ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

А. М. Листопадов не ограничивал свою деятельность только собиранием и записыванием текстов и напевов народных песен. Он их тщательно изучал, как ученый-фольклорист и музыковед. Им написаны, представляющие огромную ценность, теоретические и исследовательские работы, явившиеся плодом многолетних наблюдений, размышлений и глубоко научного анализа наиболее существенных явлений народного песнетворчества. Особенно большой интерес представляют «Собирание народных песен на Дону и моя работа», «О складе былин северных и донских», «Экскурс в область песенно-исторического творчества», «Методы собирания и записи народных песен», «Народная казачья песня на Дону», «Песни казаков-некрасовцев».

Все эти работы имеют большое научное значение. Вместе с песенными записями они дали богатейший материал для ряда крупных специальных исследований. Назовем только некоторые: «Руководство к изучению русской народной музыки» А. Л. Маслова, «Особенности народно-русской музыкальной системы А. Д. Кастанальского», «О многоголосии русской народной песни» Н. А. Гарбузова, «История русской

музыки» под редакцией профессора М. Пекелиса, «О художественно-выразительных средствах донской казачьей песни» и «К вопросу о языке донской казачьей песни» профессора Г. П. Сердюченко, «Лексические диалектизмы в письменных памятниках Дона XVII—XVIII веков и песенных записях А. М. Листопадова» А. Н. Качалкина и др.

О высокой оценке трудов А. М. Листопадова видным фольклористом-музыковедом А. Л. Масловым, данной еще в дореволюционное время, уже говорилось ранее. Без работ А. М. Листопадова не мог обойтись композитор и известный музыкальный деятель А. Д. Кастальский, которого собиратель считал своим учителем и которому посвятил свой пятитомник. Песенные записи А. М. Листопадова он широко использовал в своих трудах, появившихся после революции, — монографии «Особенности народнорусской музыкальной системы» (1923 г.) и крупном исследовании «Основы народного многоголосия» (1948 г.).

В одном из сохранившихся в архиве А. М. Листопадова писем А. Д. Кастальского, датированном 23 января 1913 года, читаем: «Я о Вас постоянно вспоминаю, так как сейчас работаю (да и вообще постоянно занимаюсь) над народной музыкой, а это занятие, конечно, без «записей Листопадова» не может обойтись...». Прося Александра Михайловича прислать ему необходимые для работы над «народными празднованиями» тексты интересующих его песен, он продолжал: «Когда в Москве Вы были так добры и давали мне на просмотр свои записи, я кое-что мелодически записал себе, кое-где есть и начальный текст, но хотелось иметь еще

две-три строки текста, характерного для данного случая...» В другом письме, от 25 июня 1921 года, А. Д. Кастальский сообщает о своей работе над «записями Листопадова», выражая собирателю благодарность «за подарок—сборник донских песен, которые я уже давно штудировал, брав экземпляр этнографической комиссии у Янчука».

Когда работа А. Д. Кастальского «Особенности народно-русской музыкальной системы» была напечатана, он сразу же послал ее Александру Михайловичу в Новочеркасск с такой дарственной надписью: «Дорогому коллеге Александру Михайловичу Листопадову на добрую память и в знак признательности за материалы от благодарного А. Д. Кастальского. 24.IX-23».

Труды А. М. Листопадова, которые он считал первоклассными, оказали ему существенную помощь в понимании и истолковании русского народного многоголосия. И А. Д. Кастальский, и А. Л. Маслов, и В. В. Пасхалов, а вслед за ними и другие ученые-фольклористы убедились в исключительной важности проделанной собирателем работы. В самом деле, только лишь у А. М. Листопадова мы находим подлинные песни донских казаков. Благодаря ему чудесная мелодия казачьей песни стала общенародным достоянием.

Самой замечательной чертой собирательской деятельности А. М. Листопадова, помимо ее глубоко научной основы, было то, что он, записывая и текст и напев, всегда брал не части песни, как это встречалось сплошь и рядом до него (и, к сожалению, встречается еще до сих пор), а обязательно всего напева полностью. Текст обычно записывался не в отрыве от на-

пева, а в подтекстовке. Это давало возможность записать песни с сохранением всех нюансов напева, полностью сохраняя лексические, синтаксические, морфологические и фонетические особенности казачьей речи. Особая тщательность его работы способствовала и точной передаче метрического строя народного стиха, его ритмики.

Все песни были прослушаны и зафиксированы А. М. Листопадовым лично, никогда ни одной песни он не брал из вторых рук. Он правильно уловил и сохранил для потомства самобытность, оригинальность и своеобразие мелодических ходов (голосоведение) и гармонических сочетаний казачьей песни.

А. М. Листопадов впервые обратил внимание на различное понимание и употребление термина «подголосок». Многолетние наблюдения над народными певцами-казаками на Дону дали понять, что они подголоском называют самый верхний голос, витающий над остальными, который, как говорят, «дишканит». Он выполняет самую верхнюю, порой наиболее прихотливую, главенствующую по высоте линию. Наблюдения А. М. Листопадова подтверждаются многими собирателями, которые записывали народную песню не от исполнителя-одиночки, а от исполнительского коллектива.

Комментируя высказанное Е. Э. Линевой в предисловии к своему сборнику «Великорусские песни» понимание ею термина «подголосок», в котором она писала, что «встречается также выражение «петь на подголоски», А. М. Листопадов в своих «Автобиографических заметках» говорит: «Выражение это — обычно у донских казаков; они относят его не ко всем певцам, участ-

вующим в данном исполнении, а именно к высоким голосам и наиболее искусным песенникам, способным вести линию подголоска, как наиболее подвижную и трудную, — «брать на подголоски и выводить». Последним выражением казаки отмечают характерную особенность подголосника, который должен не столько повторять мелодию нижнего голоса в верхнем регистре, сколько именно выводить голосом иногда довольно замысловатые мелодические фигурки (ходы), варьируя их по своему умению и разумению».

В другом месте, касаясь вопроса о роли подголоска в казачьей песне, А. М. Листопадов, говоря, что подголосок есть исключительная принадлежность того голоса, который ведет самую высокую партию, пишет: «Подголосок в казачьем хоре играет довольно важную роль: это, можно сказать, душа песни. Без него песня кажется не полною, как бы хорошо ни исполняли ее другие голоса. Подголосок оживляет мелодию, варьируемую средними голосами. Его сопровождение дает песне ширь и свободный размах, свойственные исконной казачьей песне и обусловленные историческим складом боевой жизни донских казаков. Чем лучше подголосок знает песню, тем увереннее, красивее и разнообразнее его ходы. На общем фоне музыкальной картины, которую образует основная мелодия с сопровождающими ее вариантами других голосов, легкие, оригинальные мелодические перебивы и скачки подголоска дают впечатление полноты и своеобразной законченности».

Вопросам многоголосия народной казачьей песни, роли подголоска, одновременной записи текстов и напевов на протяжении всей своей



деятельности А. М. Листопадов уделял исключительное внимание, считая настолько важными и существенными, что возвращался к ним во всех своих опубликованных теоретических исследованиях, в оставшихся в рукописи заметках, а также в устных выступлениях. Будучи несравненным знатоком донской казачьей песни, кровно заинтересованным в ее судьбах, он неослабно следил за работой других собирателей, все время совершенствовал методы песенных записей, высказывал крайне ценные мысли по ряду основополагающих сторон фольклористической деятельности.

Он дал сравнительную оценку «слуховых» и фонографических записей, характеристику преимуществ и недочетов различных методов собирания — стационарного, экспедиционного, стационарно-экспедиционного, а также метода повторных посещений. В своей творческой практике он не допускал олитературивания песенных текстов и производил записи с сохранением характерных для казачьей исполнительской манеры повторов слов, стихов, словообрывов, употребления междометий, внесмысловых вставок, наигрышных гласных. Он донес до нас во всей чистоте и неприкосновенности народное стихосложение с сохранением лексики старинной донской казачьей речи, ее фонетику и фразеологию.

Он подробно и убедительно изложил свою точку зрения на односторонние записи, на безнапевную запись слов песен с голоса, а также запись с пересказа. Огромный интерес представляют его наблюдения над ладовой структурой донских песен, мелодическими вариантами...

Собиратель был неутомим и пользовался лю-

бым случаем, чтобы лишний раз напомнить о необходимости бережного отношения к казачьей песне, не допуская игнорирования напевов. Он говорил об этом в связи с изучением фольклора в школах и вузах, выступая в качестве наставника молодой поросли фольклористов, об этом он писал неоднократно в своих статьях. Запись текста нераздельна с напевом, замечал А. М. Листопадов, «это закон, который должен лежать в основе отношения собирателя к записываемому им тексту».

А. М. Листопадов постоянно подчеркивал, что игнорирование напева не позволяет получить полного, цельного представления о песне и неизбежно ведет и к искажению текста — пропуску слов и словосочетаний, неоправданному сокращению, неверной расстановке ударений и т. д. Собиратель вспоминал, что в 1940 году, среди диалектологов — участников экспедиции к казакам-некрасовцам — возник спор, как правильно записать: «зеленый сад» или «зелен сад». Александр Михайлович, чтобы положить конец спору, заметил: «По напеву — «зелен сад». Присутствовавший при споре старик, все время молчавший, оживился: «И правда! Напев-то, голос-то, видишь, не даст песню «скрывить» (т. е. исказить, исказить).

Говоря о своей работе, А. М. Листопадов подчеркивал в «Автобиографических заметках»; «Мой труд — труд собирателя, лично и непосредственно заносящего в свои нотные и словесные записи каждый звук, каждое слово, создающее песню, которые он непосредственно слышит и воспринимает. Почему я так делаю? Почему бы не увеличить количественно свое песенное собрание, как это не раз мне советовали, включе-

нием в него представляющих известный интерес записей? Потому, что записи, даже самые лучшие из донских — Савельева и Пивоварова, — не удовлетворяют тем основным требованиям, которые я поставил себе с самого начала: давать песню, а не давать один текст без напева или напев без текста. Притом текст давать записанным не в отрыве от напева, а в подтекстовке, полностью сопутствующей всем изгибам напева...»

## ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Песенное и теоретическое наследие А. М. Листопадова является неисчерпаемым источником для писателей, композиторов, музыковедов, этнографов, языковедов. Оно дает богатейший материал и для использования его в творческой практике, и для научных исследований. Его труды — хорошая школа для фольклористов — собирателей памятников народно-поэтической культуры.

«Композитор найдет между мелодиями, записанными нами, — говорил А. М. Листопадов, — такие, которые своею красотой и непосредственностью вызывают на художественную, симфоническую разработку...»

И в самом деле, история советской музыки знает немало примеров благотворного влияния листопадовских записей на творчество композиторов. Донские казачьи песни послужили вдохновляющим началом в создании опер, симфоний, симфонических поэм, кантат, рапсодий и других жанров музыкальных произведений. Изучение народных песен и народных мелодий способствует полнокровному реалистическому вос-

произведению действительности, оказывает неоценимую помощь в создании ярких, запоминающихся образов. К трудам А. М. Листопадова с большим уважением относятся крупнейшие советские композиторы — Д. Д. Шостакович, Т. Н. Хренников, Д. Б. Кабалевский и др.

Председатель правления Ростовской областной организации Союза советских композиторов, заслуженный деятель искусств РСФСР Алексей Павлович Артамонов, много лет знавший А. М. Листопадова и хорошо изучивший его песенное наследие, которое не раз играло заметную роль в его творческой деятельности, говорил мне об огромном значении проведенной Александром Михайловичем работы для советских композиторов, для развития нашей музыкальной культуры.

— Композиторы видят в записях Листопадова образцы подлинно народной музыки, — сказал он, — а они, как известно, всегда обогащали музыкальную классику. Изучение богатейшего песенного наследия собирателя содействует укреплению и развитию в советской музыке реалистического направления.

Даже краткий обзор ряда музыкальных произведений, написанных на темы жизни донского казачества, красноречиво свидетельствует о плодотворности труда художника, щедро черпающего из сокровищницы народного творчества.

Получили права гражданства и стали широко известными песни, созданные ростовскими композиторами: «Здравствуй, конница Буденного» Т. Сотникова, «Ой, гори и лейся по-над Доном» П. Гутина, песни С. Заславского, Г. Капанакова и др.

Ростовским композиторам также принадле-

жат произведения на донские мотивы и в других жанрах. Заметным явлением стали Первая, Четвертая и Пятая симфонии А. Артамонова, фантазия на донские казачьи темы, в которых широко был использован донской фольклор.

Надо отметить, что ряд ростовских композиторов являются большими энтузиастами фольклорной работы и не раз выезжали в донские станицы и хутора для записи народных песен. Среди них — П. Гутин, Т. Сотников и др.

Немало ярких произведений о Доне и казачестве было создано композитором И. Шишовым, донским казаком, влюбленным в свой степной край. В казачьей народной музыке щедро черпали материал для своей работы известные советские композиторы, тесно связанные с Доном — Е. Брусиловский, М. Гнесин, Г. Попов.

Наследие А. М. Листопадова открывает широкое поле деятельности и для донских писателей. Известный ростовский писатель Михаил Андреевич Никулин, хорошо знавший Александра Михайловича и посвятивший ему свою яркую, с неподдельной теплотой, искренностью и задушевностью написанную повесть «Погожая осень», поделился со мною своими мыслями о значении многолетнего труда собирателя донского песенного фольклора. Он, в частности, сказал:

— Особую благодарность мы приносим за утверждение непреходящей художественной ценности донской песни Михаилу Александровичу Шолохову, автору «Тихого Дона», и фольклористу-собирателю и классификатору донской песни Александру Михайловичу Листопадову. Очень важно заметить, что в оценке донской песни М. А. Шолохов, как художник слова, исходил из

всестороннего раскрытия психологии героев. А. М. Листопадов же шел от музыкального и поэтического анализа песни. И пути их не разошлись: они оба утвердили художественную и познавательную значимость донской песни.

И далее М. Никулин говорил: «Наследство Александра Михайловича Листопадова с полным правом может быть названо хрестоматией устного поэтического и музыкального творчества донских казаков, хрестоматией донской песни. Сам Листопадов — пример беззаветного, я бы сказал, солдатского служения народу. Для меня за этими общими словами скрывается живой человек, которого я знал, которого знают многие ныне еще здравствующие люди. Этот незаметный и удивительно скромный в быту человек был жестковат и настойчив, когда надо было отстаивать правду. Он был бесконечно влюблен в песню еще с ранних лет и все время воспитывал в себе остроту восприятия песенного слова, песенного напева.

Листопадов был этнографом и художником, музыкантом и поэтом. Этнограф в нем дополнял художника, а художник — этнографа. И только при таком широком подходе к своим задачам он сумел достигнуть тех результатов в труде, о которых с твердым убеждением можно заявить: пятитомное издание «Песен донских казаков» — безусловно замечательный памятник нашей советской культуры и вместе с тем колоссальной творческой деятельности Листопадова. Все песни этого единственного издания отредактированы и изданы так, что в любую минуту могут прозвучать с советской эстрады не как ушедшее в прошлое искусство, а как живое творчество донских казаков.

В «Тихом Доне» М. Шолохов, великий писатель современности, вернул народу множество донских песен. Вернул их обогащенными в опосредствовании литературных образов... Недалеко то время, когда песенное наследство Листопадова вернется к народу в опере, в симфониях. Я рад всякому начинанию, которое связано с пропагандой листопадовского песенного наследства — бесспорного оружия в борьбе за большое музыкальное и поэтическое творчество».

## ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Песенное собрание А. М. Листопадова — это действительно живое искусство донского казачества. Записанные им песни звучат в концертах, по радио и телевидению. Они составляют основу репертуара Ансамбля песни и пляски донских казаков, а украшением программы Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской Армии имени А. В. Александрова вот уже многие годы является песня «Эх, да ты, калинушка», записанная собирателем сначала на Дону, а затем и от пензенских певцов.

Широко используется листопадовское песенное наследие многочисленными коллективами художественной самодеятельности. Лучшие исполнительские коллективы хорошо известны за пределами Дона.

Надо сказать, что почти во всех донских хуторах и станицах имеются народные хоры, хоровые группы. По давней казачьей традиции существуют и семейные хоры. Все они с любовью и особой бережливостью относятся к песням из листопадовского собрания. Руководят

этими коллективами настоящие энтузиасты, люди, знающие толк в старинной казачьей песне, вдумчиво изучающие труды своего знатного земляка.

Во всю ширь и в полный голос звучат записанные А. М. Листопадовым песни на систематически проводимых Ростовским областным Домом народного творчества праздниках донского фольклора. И в 1973 году в связи со столетием со дня рождения Александра Михайловича Листопадова на Дону проходил праздник донского фольклора, на котором состязались в искусстве исполнения донских казачьих народных песен многие коллективы художественной самодеятельности. Лучшие хоры и хоровые группы, а также отдельные песенники показали свое мастерство на родине прославленного собирателя.

\* \* \*

Изъездивший Дон «вдоль и поперек», хорошо знавший жизнь донского казачества и его песенную культуру, А. М. Листопадов оставил нам в дар более 1200 записанных им песен донских казаков. Но кроме донских казачьих песен, что является несомненно главным и основным в творческой деятельности фольклориста, он проявлял большой интерес и собирал песни народностей Советского Союза. Им записаны народные песни русские (в Орловской, Пензенской, Московской и Саратовской областях), украинские, татарские, калмыцкие, таджикские, узбекские, памирские, иранские, уйгурские.

Он охотно шел на командировки и совершил пятнадцать выездов в разные районы нашей страны. Таким образом, всего им записано 1800 народных песен различных национальностей



СССР. С присущей ему скромностью он говорил: «Для почти пятидесятилетней работы это, конечно, не много». Но если сопоставить только количество накопленных им песенных материалов (не говоря о других сторонах его работы) с результатами собирательской деятельности других фольклористов, то мы увидим, что собрание А. М. Листопадова является уникальным, единственным в своем роде, дающим колоссальный материал как в сюжетном, так и в жанровом отношении. Он, без преувеличения, является почти исчерпывающим.

В лице Александра Михайловича Листопадова мы видим выдающегося фольклориста и талантливую музыканта, крупного ученого и оригинального исследователя-новатора, неутомимого пропагандиста русского многоголосного пения. Любовь к своему народу и его песням, стремление навсегда сохранить в первоизданном виде художественные поэтические создания донских казаков определили весь жизненный и творческий путь этого энтузиаста. Более полувека напряженной работы А. М. Листопадова были глубоко плодотворными для развития русской фольклористики.

Этого крупнейшего знатока и деятеля русской музыкальной культуры отличали скромность и научная добросовестность, страстность и неиссякаемая энергия, широта кругозора и разносторонность интересов. Записанное А. М. Листопадовым песенное наследие донского казачества — неоценимый вклад в сокровищницу советской культуры. А сам он — энтузиаст, подвижник — являет собой завидный пример бескорыстного служения своему народу.



Казачий курень станицы Екатеринбургской, I Донского округа.



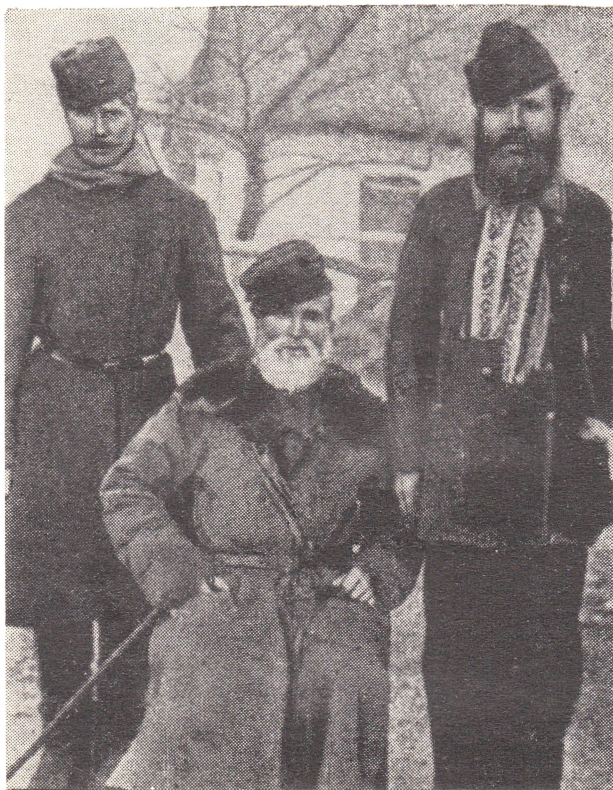
А. М. Листопадов записывает песню от сестер М. Е. и В. Е. Гребенниковых и А. А. Лопаткиной (1905 г.)



Группа песенниц хутора Караичева, станицы Гундоровской, Донецкого округа.



Станица Усть-Белокалитвенская, Донецкого округа. «Рылешник» В. М. Андриянов с гудком — донской лирой.



Ст. Вешенская, Донецкого округа. В центре — 85-летний старик песенник Г. Гончаров



Песенницы станицы Луковской, Хоперского округа.



Песенники станицы Акишевской, Хоперского округа.





Песенники станицы Урюпинской, Хоперского округа.

Группа песенников и песенниц станицы В.-Каргальской, I Донского округа.





**А. М. Листопадов с женой Надеждой  
Ивановной**

**Иосиф Моисеевич ГЕГУЗИН**

**ВЛЮБЛЕННЫЙ В ПЕСНЮ**

Редактор **Н. А. Никитина**

Художественный редактор **З. А. Лазаревич**

Технический редактор **Л. М. Криволапова**

Корректоры **Р. Ф. Мурзина, Е. Г. Харченко**

---

Изд. № 22/12376. Сдано в набор 26-11 1974 г. Подписано к печати 31-V 1974 г. Формат 70x90/32. Бумага тип. № 2. Объем 5,25 физ. п. л., 6,14 усл. п. л., 6,69 уч.-изд. л. Тираж 10000. ПК 03538.

Ростовское книжное издательство, г. Ростов-на-Дону, Красноармейская, 23.

Типография им. Калинина Ростовского управления издательств, полиграфии и книжной торговли в г. Ростов-на-Дону, 1-я Советская, 57. Заказ № 52. Цена 20 коп.